

Г. Турмов
А. Хисамутдинов

ВЛАДИВОСТОК

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Исторический путеводитель

Геннадий Турмов

Владивосток

«ВЕЧЕ»

2015

Турмов Г. П.

Владивосток / Г. П. Турмов — «ВЕЧЕ», 2015 — (Исторический путеводитель)

История Владивостока начинается в 1858 году с подписания Айгунского договора между Россией и Дайцинским государством (Китай). Инициатором этого договора был генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев-Амурский. В результате Россия получила приморскую территорию на Дальнем Востоке. В 1859 году Н.Н. Муравьев-Амурский, обходя на корабле берега залива Петра Великого, обратил внимание на хорошо укрытую бухту. Генерал-губернатор предложил назвать её Золотым Рогом и приказал основать на берегах бухты военный пост с именем – Владивосток. К началу XX века крохотный военно-морской пост превратился в крупнейший порт и военно-морскую базу России на Дальнем Востоке. Об истории Владивостока, его достопримечательностях, памятниках культуры рассказывает очередная книга серии.

© Турмов Г. П., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Предисловие авторов	6
Глава 1. Отцы-основатели, первые владивостокские районы, улицы и их достопримечательности	10
Память о графе	10
Первооткрыватели	17
Описывая город: Михаил Клыков	17
Командуя портами: Александр Кроун	17
Оставив имя на полуострове: Иван Черкавский	18
...и на мысу: Павел Чуркин	18
Первый гражданский житель Владивостока Яков Семенов	20
Голова Владивостока и купец Михаил Федоров	24
Первые улицы Владивостока	28
Они заселяли Куперовскую Падь	30
Вокзальная площадь: страницы прошлого, или как пообедал С. Моэм	31
Алеутская улица и памятник в Японии	34
Первая речка, или Память о Нобеле	37
Рабочая слободка	40
Улица Нагорная-Суханова	42
Достопримечательности Пушкинской улицы	44
Дом Николая Соллогуба, где начиналась владивостокская журналистика	46
Здесь жили дипломаты, врачи...	48
Восточный институт – Дальневосточный государственный технический университет (ДВГТУ)	49
Пушкинский театр	51
Украшая город, или На фуникулере на Орлиную сопку	53
Лютеранская кирха	55
Книжная лавка братьев Синкевичей	58
Дом Николая Соловьева, тестя В. К. Арсеньева	60
Слава владивостокской уголовки	61
Коричневая гимназия	63
Педагоги Владивостока	65
Народный дом и книголюб Игнатий Маковский	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Г.П. Турмов, А.А. Хисамутдинов

Владивосток

© Бурыгин С.М., автор идеи и проекта, 2015

© Турмов Г.П., Хисамутдинов А.А., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие авторов

Не просто писать об истории Владивостока. Солидные монографии и многочисленные справочники рассказывают в основном об официальной стороне жизни города. Но Владивосток многолик, история его неоднозначна, и многие аспекты прошлого до сих пор оставались в тени, неведомые даже краоведам, не говоря уж о широких слоях горожан. Порой лишь счастливая случайность, верная спутница многочасовых бдений над подшивками старых газет и журналов, архивных материалов и книг, помогала найти разгадку неясным историческим моментам.

Транспорт «Манджур» 2 июля 1860 г. в бухте Золотой Рог (с картины худ. В.И. Шильева)

С первых дней, когда в далеком 1639 г. Россия вышла к берегам Тихого океана, основной задачей стали поиски подходящего места для главного города-порта. Вначале им стал Охотск, ясачный острог, основанный русскими первопроходцами в 1665 г. для сбора податей с местных жителей. Роль этого небольшого поселения в те годы была огромной. Именно отсюда брали курс в самые разные точки Тихого океана построенные здесь же русские суденышки с весьма нехитрым вооружением. Отсюда великий Витус Беринг со своей знаменитой экспедицией отправился на поиски легендарной Америки.

В октябре 1790 г. Охотск получил свой герб. В его верхней части был изображен герб Иркутска, столицы Восточной Сибири, – бегущий тигр с соболем в зубах, а в нижней части располагались на голубом фоне два скрещенных якоря со штандартом – символом морского порта. Как видите, элементы этого герба были использованы и в символике Владивостока.

В 1799 г. была образована Российско-Американская компания, и роль Охотска еще более усилилась: он стал центром всероссийского рынка на Тихом океане. С 15 июля по 15 сентября

здесь широко проводились ярмарки, о товарообороте которых можно судить по одной цифре: в 1837 г. здесь было продано товаров на 324 859 рублей.

Но в навигационном отношении Охотск располагался в весьма неудачном месте. Быстро меняющиеся мели, резкие приливо-отливные течения, навигационные опасности значительно осложняли работу мореплавателей, поэтому в 1849 г. порт в Охотске был закрыт и перенесен в Аян, основанный в сентябре 1864 г. Но с закрытием в 1867 г. Российско-Американской компании и этот порт перестал играть серьезную роль.

Функция главного города в Тихом океане перешла к Петропавловску-Камчатскому. В 1812 г. он был объявлен городом, летом 1854 г. военный губернатор В. С. Завойко с немногочисленным гарнизоном успешно отразил нападение англо-французской эскадры. Во избежание новых неприятностей все население Петропавловска уже в следующем году было переведено в Николаевск-на-Амуре.

Первые дни поста Владивосток (по рисунку А.Ф. Будищева)

К середине XIX века в России поняли, что поиски дальневосточного форпоста зашли в тупик. Ни один из имевшихся портов не отвечал необходимым требованиям: иметь гавань, которую можно было бы легко защитить с берега от неприятеля, достаточно вместительную для военного флота и близкую к рынку.

Тогда генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев обратил внимание на юг Приморья. Что же представляла собой эта земля?

Боярский сын С. К. Ремезов создал еще в 1701 г. удивительнейшую карту. На ней Приморье обнесено крепостной стеной и обозначено как «царство Никанское», граничащее с Китаем и Кореей. Кстати, на той же карте в устье Амура есть надпись: «До сего места царь Александр Македонский доходил».

Современники «Никанского царства» оставили о нем такое свидетельство: «...государство Никанское паче Китайского государства зело людьми и богатством, златом и серебром и камением драгим, шелком, камками и всякими алканы, благовонными травами и шафраном

изобилствует; мужской и женский пол пред китайскими людьми зело чист; и ныне он, Никанский царь, с Китайским царем воюются, а Китайский царь через свое Китайское государство в Никанское царство русских людей с товары для торгу не пропускает».

Судя по карте, бухта Золотой Рог почему-то не привлекла первых мореплавателей, но зато на острове Русском в бухте Новик располагался крупный порт.

Другой знаменитый картограф, француз Д'Анвиль, в 1737 г. аккуратно нарисовал на своей карте полуостров Муравьева-Амурского, отметив на нем реку Раздольную (Суйфун) – Suifond Pira, остров Русский – Yohang toun, острова Попова и Рейнике – Mama-saha и Sarhatchousaha и некоторые другие географические объекты.

Пусть не смущают уважаемых читателей непривычные названия знакомых мест. Это те немногие свидетельства прошлого, которые напоминают нам о давних событиях.

Развалилось Бохайское (Никанское) царство, и на приморских берегах опять воцарилась тишина. Лишь изредка заходили в лазурные бухты утлые суденышки пришлых сезонных промысловиков, земля была, по сути, ничейная – шла добыча трепанга, поэтому одна из бухт (нынешний Золотой Рог) и носила имя Хайшэньвэй – бухта трепанга. Пытался добраться сюда из Китая иезуит Ля Бруньер, французский миссионер, но смог дойти только до реки Иман (ныне Большая Уссурка).

Никто из пришельцев не нарушил тишину этих мест до середины XIX века, а предшествовало этому событие, имеющее, казалось бы, весьма далекое отношение к Приморью, – Крымская война.

Англо-французская эскадра безуспешно пыталась найти русские корабли, ушедшие из Петропавловска-Камчатского. Неприятель в растерянности бороздил пустынные дальневосточные моря, силясь угадать, куда мог деться русский отряд. А разгадка была простой, ныне ее знает каждый школьник: Амур в устье своем судоходен и там спокойно на якоре можно переждать любую непогоду. Вот и генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев собрал немногочисленные русские силы в этих местах.

Первый православный храм Владивостока, освященный 1 апреля 1862 г.

Два английских фрегата – «Винчестер» и «Барракуда» – держали курс на юг вдоль приморского берега. Рано поутру 12 августа 1855 г. англичане направились в соседнюю бухту. Адмирал Сеймур приказал исследовать ее и сделать промеры. «Мы вошли в порт Мей, просторную, хорошо защищенную гавань, – писал Дж. Тронсон. – Холмы, поросшие дубом, вязом и орешником, плавно спускались к самой воде. Кое-где деревья отступали, и берег там был покрыт густой травой и цветами. Лианы винограда в одном месте создавали настоящий сад, а в другом – берег гавани был занят огородом (место пересечения нынешних улиц Светланская и Алеутская. – *Прим. авт.*). В поле около берега росли злаки, такие как ячмень, гречиха и просо; несколько лошадей паслись около обработанной земли. Нам не составило труда раздобыть картофель, который был очень хорошего качества – некрупный, круглый и сухой».

В книге Тронсона, кстати, был приведен первый рисунок с изображением бухты Золотой Рог и стоящими на ее рейде двумя английскими фрегатами – «Барракудой» и «Винчестером».

У небольшого мыса моряки заметили, как в зарослях мелькнул полосатый хозяин здешних мест – тигр. Мыс этот, а также близлежащая сопка, тотчас же получили название Тигровых. Это одно из немногих названий в нашем городе, уцелевших со времени захода англичан в бухту Золотой Рог.

По речке Объяснения английские моряки на большом парусном баркасе поднялись миль на пять. Кто бы мог в это поверить, глядя на сегодняшний небольшой ручей?

История Владивостока богата интересными событиями, но повезло ему и на людей, беззаветно любивших свой город и много сделавших для его процветания. Мы должны быть им благодарны еще и за то, что после себя первые жители Владивостока оставили немало документального материала в виде дневниковых записей, газетных и журнальных статей, воспоминаний и писем – ценнейшего материала для историков и краеведов.

По мысли авторов, цепочка небольших очерков о старом Владивостоке поможет вам составить представление о жизни нашего города и его обитателей. К сожалению, в книгу вошли не все материалы о старом Владивостоке, но впереди новые встречи.

Глава 1. Отцы-основатели, первые владивостокские районы, улицы и их достопримечательности

Память о графе

Могила графа Н.Н. Муравьева-Амурского

«Товарищи, поздравляю вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России! Да здравствует император Александр и да процветает под покровом Его вновь приобретенная страна! Ура!» – голос генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева слегка дрожал от волнения, когда 18 апреля 1858 года он зачитывал свой приказ войскам в Усть-Зейском посту. Два дня назад был заключен Айгунский договор, возвестивший миру о присоединении к России дальневосточных земель.

Николай Муравьев родился 11 августа 1809 г. в Санкт-Петербурге. В звании пажа участвовал в коронации императора Николая Павловича в Москве. 25 июля 1827 г. поступил на службу прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк. За участие в русско-турецкой войне присвоено очередное звание поручика, был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. За участие в подавлении Польского восстания 1831 г. награжден польским знаком «За военные достоинства» 4-й степени, орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом и золотой шпагой с надписью «За храбрость», 4 июня 1841 г. на Кавказе за отличие произведен в генерал-майоры. В 1844 г. получил орден Св. Станислава 1-й степени с высочайшей грамотой за «отличие, мужество и благоразумную распорядительность, оказанные против горцев». 16 июня 1846 г. назначен на должность военного губернатора Тулы и Тульского гражданского военного губернатора. 5 сентября 1847 г. назначен генерал-губернатором Восточной Сибири. 14 марта 1848 г. вступил в должность.

Подробную информацию о заключении Айгунского договора поместили «Санкт-Петербургские ведомости» в № 175 за 1858 г. «Спешу сообщить вам известие, – писал 20 июня корреспондент газеты, – радостным образом взволновавшее наш город и которое с не меньшим удовольствием будет везде принято в Восточной Сибири. Курьер с Амура, из нашего Усть-Зейского поста, проездом в Петербург привез сюда известие, что генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву удалось заключить с китайскими уполномоченными новый трактат о разграничении России с Китаем. При первом известии об этом в Иркутске один из здешних купцов предоставил 500 рублей серебром в распоряжение губернатора, другой назавтра угодил за свой счет здешний гарнизон; такие изъявления удовольствия, выражающиеся денежными пожертвованиями, посыплются, вероятно, здесь со всех сторон при официальном объявлении о трактате после ратификации, потому что, сколько я мог заметить, известие об этом событии принято здесь с живою радостью, особенно между торговым сословием. Да иначе и быть не могло: бесспорное, трактатом утвержденное, обладание Амуром, прекрасным и по удобству единственным для Восточной Сибири торговым путем, есть факт чрезвычайно важный для этой страны. Мысль об обладании Амуром, о пользовании им была давнишним исконным желанием и стремлением в Восточной Сибири. Генералу Н. Н. Муравьеву удалось начать и довести до конца это дело; имя его теперь будет неразрывно связано в нашей истории с памятью о приобретении Амура, с памятью о тех благодетельных последствиях для промышленности и торговли – как Восточной Сибири, так, смеем думать, даже и всей России, которые непременно и в непродолжительном времени произтекут из этого исторического события».

Граф Н.Н. Муравьев-Амурский

Та же газета через пять номеров дала еще одно сообщение о событиях на Дальнем Востоке: «Государь император, по всеподданнейшему докладу Его Императорского Высочества Великого Князя генерал-адмирала, соображений генерал-губернатора Восточной Сибири об особенной важности местоположения Усть-Зейской станицы, находящейся при впадении реки Зеи в Амур, названной генерал-губернатором по случаю закладки в ней 9 мая храма во имя Благовещения Пресвятой Богородицы “Благовещенскою станицею”, – в 5-й день июля сего года Высочайше повелеть соизволил: учредить в этом месте город, назвав его “Благовещенск”». И добавим – в память о благой вести для России.

26 августа того же года император всероссийский Александр Николаевич издал следующий указ, на этот раз подводящий итог личным заслугам Н. Н. Муравьева: «Граф Николай Николаевич! Примерно ревностное и полезное служение ваше, неоднократно ознаменованное военными подвигами и особыми отличиями на поприще гражданского управления, обратили на себя внимание в Бозе почившего родителя моего. Справедливо оценивая ваши достоинства, Он вверил начальствованию вашему обширный край в отдаленнейших пределах империи. Вы вполне оправдали доверие одиннадцатилетними неутомимыми трудами на пользу и благоустройство вверенной управлению вашему Восточной Сибири [...] В воздаяние за таковые

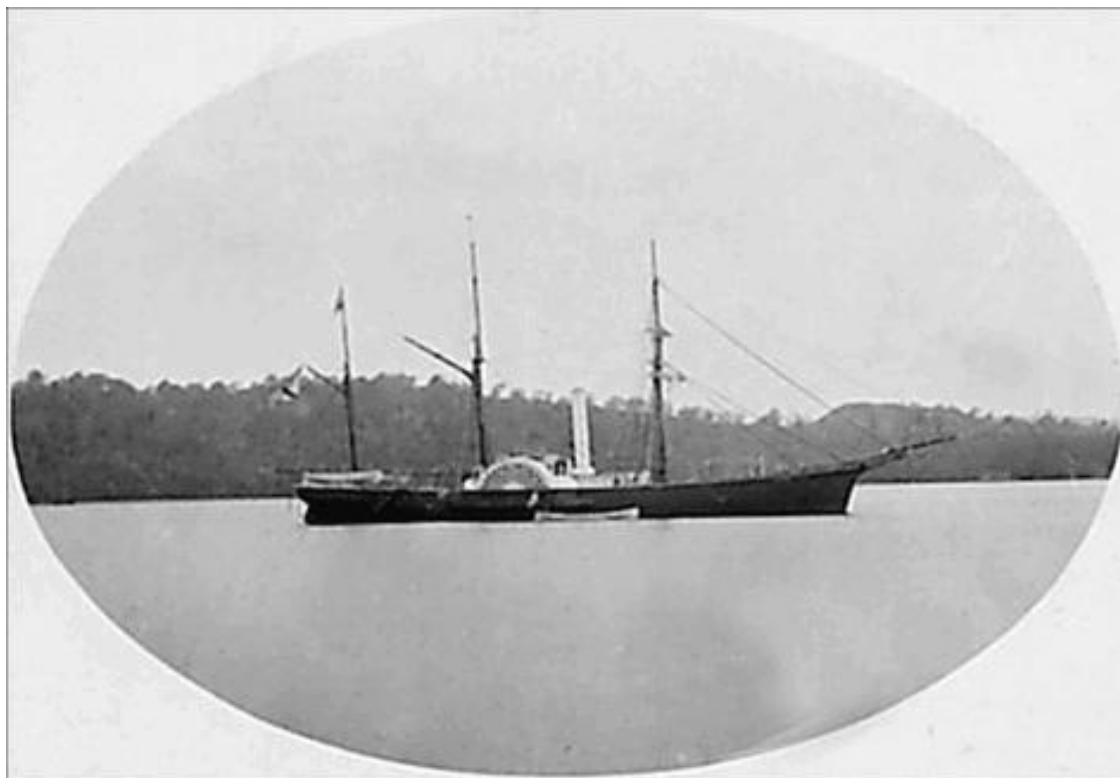
заслуги ваши, Я возвел вас указом, сего числа Правительствующему Сенату данным, в графское Российское империи достоинство, с присоединением к имени вашему названия Амурского, в память о том крае, которому в особенности посвящены были в последние годы настоятельные труды ваши и постоянная заботливость».

Тем же указом одновременно с возведением Н. Н. Муравьева в графское достоинство он был награжден чином генерала от инфантерии. В том же историческом 1858 г. был подписан еще один указ, после чего и появилось на картах Приморье.

В заключении Айгунского договора вместе с Муравьевым-Амурским участвовали также обер-квартирмейстер подполковник Константин Фадеевич Будогоский, показывавший во время переговоров на картах все земли, которые отходили к России, и Яков Парфелевич Шишмарев, переводчик с маньчжурского языка. К. Ф. Будогоский и возглавил экспедицию, которая по горячим следам была организована Сибирским отделом Русского географического общества для исследования новых земель. Вместе с ним в самом начале 1859 г. на Уссури выехали два астронома – поручик А.Ф. Усольцев и капитан П. А. Гамов, топограф капитан А. И. Елец, художник академик А. А. Мейер, переводчик Я. П. Шишмарев, а также три отделения съемщиков. Цели и задачи экспедиции были предельно ясны: съемка демаркационной линии, а также побережья Японского моря, и составление подробной карты Приморья.

5 мая 1859 г. основной состав экспедиции достиг озера Ханки, где путешественники заложили первый в Приморье военный пост под названием Турий Рог. Дальнейший путь экспедиции лежал на юг, через пустынную приханкайскую равнину. Усольцев позднее напишет: «Смотря на степное раздолье, так и кажется, что тут же вырастут тысячи людей и пойдут трепать эти раздольные степи, и наставят они хлеба и сена на весь Амур. Но когда это еще сбудется, а теперь пока одни антилопы составляют исключительных обитателей этих пустынь; безопасность их нарушает тигр и волк... С убеждением думается, что в недалгом времени нарушится это безмолвие, и будут эти места театром разумной и обширной деятельности».

Дорога по степи показалась путешественникам несколько утомительной, но стоило им выйти к реке Суйфуну (ныне Раздольная), как все воспряли духом. Буйная южная растительность, напоминающая тропические леса, поразила членов экспедиции. Дубы, достигающие в диаметре семи футов, гигантские папоротники, крепкие лианы, переползающие с одного дерева на другое, создавали непроходимую чащу. С величайшим трудом люди продирались через дебри, прорубая узкие лазейки для своего небольшого вьючного каравана и проходя в день всего две-три версты.

Пароходо-фрегат «Америка». Фото В.В. Ланина

Оставим экспедицию Будогоского на подступах к конечной цели путешествия – Новгородской гавани и перенесемся мысленно к берегам Японии. «15 июня 1859 года на хакодатском рейде было только два русских судна: пароходо-корвет “Америка” под флагом генерал-губернатора Восточной Сибири и винтовой корвет “Боярин”; другой такой же корвет “Воевода” отправлен был накануне вперед в залив Посьета, а винтовой клипер “Джигит”, находившийся здесь при нашем консульстве, послан был 13-го числа в Шанхай с почтой и с тремя кяхтинскими купцами, которые решились наконец подняться со своего теплого местечка и пуститься к неведомым морям – за тридевять земель в тридесятое государство, – чтобы разузнать, какие предметы могут выдержать доставку из Шанхая по Амуру в Сибирь и какие проценты можно нажить от этой поставки...» Чиновник особых поручений генерал-губернатора подполковник Дмитрий Иванович Романов оторвался от бумаг, разложенных на узеньком столике маленькой каюты пароходо-корвета «Америка», и выглянул в иллюминатор. По палубе сновали матросы, слышался скрип плохо смазанных талей, поднимавших судовую шлюпку, через минуту застучал паровой брашпиль, загрохотал якорный канат. Корабль покидал Новгородскую гавань после встречи с экспедицией Будогоского. Помахав на прощанье рукой тем, кто оставался на берегу, Романов снова вернулся за стол, положил перед собой чистый лист бумаги и написал на нем заголовок – «С русского берега». Путевые заметки, начатые им, должны были со временем составить статью для одного из самых популярных изданий того времени – «Морского сборника».

«15 июня, наконец, и мы на пароходе “Америка” простились с Хакодате, простились не окончательно, потому что зайдем еще сюда на обратном пути из Китая, – продолжал писать Романов. – В этот день с утра поднялся ветер, который усиливался все более и более. Барометр, падая, быстро опустился наконец до 29, 08[...] Следующий день, 18 июня, предполагалось посвятить подробному обзору и исследованию всех частей залива Петра Великого. Снявшись с якоря, мы пошли вдоль западного берега укрывшего нас залива и в недалеком расстоянии от

места нашей стоянки усмотрели углубление, вдавшееся в берег в юго-западном направлении. Мы обошли кругом вдоль берегов этого новооткрытого залива».

Встретив в Посъете экспедицию Будогоского, «Америка» снялась в Китай и 1 июля 1859 г. бросила якорь в гавани Вей-хайвей. Вскоре в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась небольшая заметка следующего содержания: «...начальник нашей демаркационной комиссии подполковник Будогоский отправляется в Пекин для утверждения окончательной пограничной черты русских владений в Маньчжурии. По этой черте весь приморский берег Маньчжурии, прикасающийся к Японскому морю, и, как по исследованиям оказалось, никому не принадлежащий, замежеван в черту русских владений. Южная часть этого берега близ Кореи, значит, в широте закавказских провинций, оказывается изрезанною таким количеством самых отличнейших бухт и гаваней, что едва ли можно найти другой берег в мире, где бы на таком малом пространстве прекраснейшие гавани следовали одна за другою в таком количестве, что трудно выбрать и определить, которая из них лучше. Знаменитая Севастопольская гавань и Золотой Рог в Босфоре должны уступить первенство здешним гаваням и бухтам. Вблизи этих гаваней местность покрыта девственными тропическими лесами, перевитыми лианами, в которых дубы достигают диаметра одной сажени. Образцы этой гигантской растительности изумительны и никогда нами не были еще видимы; подобное что-нибудь можно встретить только в лесах Америки. Какая великая будущность таится в этих доисторических лесах в связи с великолепнейшими гаванями мира! Недаром этот лабиринт заливов носит название залива Петра Великого, недаром лучший из портов назван Владивостоком, потому что здесь колыбель нашего флота на Тихом океане, русского значения на его широком лоне, не запертом пушками Зунда, Гибралтара и Дарданелл, и нашего владения Востоком. Здесь все дары природы сосредоточены в одну группу и способны развить сильную колонизацию и сильное торговое движение».

Блестящее описание нашего края, не правда ли, и какое точное предвидение его будущего на столетие вперед! Вы, конечно, заметили, что в этом описании, относящемся к середине 1859 г., уже встречается название Владивосток. Правда, означает оно пока еще не город и даже не пост, которых тогда не было и в помине, а хорошую бухту, пригодную для устройства порта.

Кто же дал Владивостоку его звучное и красивое название? Известно, что оно появилось в газете, а затем и на картах, вскоре после того, как пароходо-корвет «Америка», следуя за Будогоским из Николаевска в Новгородскую гавань, зашел на короткое время в бухту Золотой Рог. Статья для «Санкт-Петербургских ведомостей» была написана сразу же по горячим следам на «Америке», и Будогоский увез ее в Пекин, откуда она тотчас же ушла с курьером в Санкт-Петербург.

Фамилии автора под статьей нет, но если мы полистаем подшивку тех же газет, то сможем встретить еще одну похожую статью о Южном Приморье, в частности о заливе Петра Великого. Она была написана 15 декабря 1858 г. тогда еще капитаном Д. И. Романовым, постоянно сотрудничавшим с этой газетой. Сходство формулировок двух статей, одинаковый стиль позволяют предположить авторство Романова и в более поздней газетной публикации, а значит, ему, возможно, и принадлежит идея назвать новый порт на Тихом океане по аналогии с Владикавказом Владивостоком.

Сам же Н. Н. Муравьев-Амурский об этом историческом плавании писал так: «Бухту Посъета мы отмежевываем себе и границу проводим до устьев Тюмень-Ула, которая составляет границу Кореи с Китаем. Не хотелось бы захватывать лишнего, но оказывается необходимо: в бухте Посъета есть такая прекрасная гавань, что англичане непременно бы ее захватили при первом разрыве с Китаем. Я уверен, что убеждение это подействует и в Пекине. При устье реки Суйфуна, немного северо-восточнее бухты Посъета, множество прекрасных заливов».

Первым русским постом в заливе Петра Великого стал Посъет. 22 февраля 1860 г. командир винтового транспорта «Японец» получил приказ о высадке сюда военного отряда.

Это плавание Муравьева-Амурского блистательно завершило карьеру генерал-губернатора Восточной Сибири. «Надо помнить, – писал известный беллетрист А. Максимов, – что Китай, уступая Амур и Уссури, исполнил требования России только благодаря энергии графа Н. Н. Муравьева-Амурского. Китайцы, видя такую его настойчивость, никак не предполагали, что за ним стоит всего только несколько сот штыков; им казалось, что решительные действия графа могли опираться лишь на грозную военную силу, и они уступили, но уступили в намерении и надежде вернуть потерянное, уступили с затаенною злобою и ненавистью к русским пришельцам». Тогда же Муравьев-Амурский отдал приказ описать Южное Приморье.

15 января 1860 г. граф писал военному губернатору Приморской области контр-адмиралу П. В. Казакевичу: «...все распоряжения мои относительно занятия правого берега р. Уссури и постройка на Уссури канонерских лодок остаются в прежней силе, равносильно как и распоряжения касательно раннего выхода нашей эскадры в море, крейсерования в течение всего лета вдоль залива Петра Великого, описи берегов и, наконец, занятия двух пунктов на берегу при заливе Петра Великого. Министерство иностранных дел, в отношении своем ко мне от 13 октября [1859], № 30, разрешает, правда, занятие гавани Новгородской (Посьета) только в случае крайности, но так как я в виду политических обстоятельств будущего лета усматриваю совершенную крайность в том, чтобы Россия стала твердою ногою на всем побережье до границ Кореи, то долгом считаю подтвердить Вам снова о занятии военными постами в нынешнем году гаваней Новгородской и Владивосток».

После окончательного разрешения всех спорных вопросов с Китаем граф Муравьев-Амурский с нетерпением ждал возможности сдать свою должность М. С. Корсакову. «... все же нет причины хоронить меня в Сибири, – писал он другу в своем последнем письме из Иркутска. – Разумеется, что я никаких приглашений и предложений не приму ни в Сибирь, никуда; теперь, благодаря Игнатьеву (заклучившему Пекинский договор. – *Примеч. авт.*) совесть не грызет меня за китайские дела; но главное в том, что они не видят и не ощущают, как я перестал быть годен на всякое дело; не хотят понять, что у меня есть совесть и что переслуживать, по-моему, – преступление».

В Петербург Н. Н. Муравьев-Амурский прибыл 11 февраля 1861 г. и в тот же день имел продолжительную беседу с царем. После этого он подал прошение об увольнении с должности генерал-губернатора Восточной Сибири с последующим длительным заграничным отпуском для лечения.

В 1881 г. Н. Н. Муравьева-Амурского не стало. В метрической книге Свято-Троицкой Александро-Невской церкви, состоящей при Российско-Императорском посольстве в Париже, читаем: «1881 г., ноября 18-го дня скончался от гангрены член Государственного Совета, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский, 72-х лет от роду. Перед смертью был исповедован и приобщен Святых Таин протоиереем Василием Прилежаевым. Тело предано земле на Монтмартовском кладбище в Париже».

На 25-летнем юбилее «амурских обедов» было принято решение увековечить память о Н. Н. Муравьева-Амурском. К этому времени уже было собрано по подписке 54 тысячи рублей на памятник бывшему генерал-губернатору, который сначала хотели установить во Владивостоке как «конечном морском пути», но большинством голосов решено было поставить прочный крест с надписью на месте слияния Шилки и Аргуни, откуда ушла в путь первая экспедиция Н. Н. Муравьева. В первый состав комитета вошли адмирал П. В. Казакевич, тайные советники М. С. Волконский и М. Н. Галкин-Враский и отставной статский советник Ф. А. Анненков. Они-то и окончательно решили в пользу Хабаровки. 14 февраля 1888 г. царь утвердил модель памятника. Решено было постамент изготовить из местного камня, который нашли в окрестностях станицы Михайло-Семеновская, но оттуда далеко и было найдено месторождение светло-серого сиенита в 1889 г.

В феврале 1900 г. состоялся 37-й «Амурский обед», на котором предложили перенести прах Муравьева-Амурского из Парижа. Генерал-губернатору Приамурского края сразу же ушла телеграмма: «На Амурском обеде выражено общее желание просить Вас поднять вопрос переноса праха графа Муравьева-Амурского из Парижа в Хабаровск под памятник. Не откажите исполнением сообщить. Генерал Александров, граф Игнатьев, Духовской, князь Волконский».

За согласием перенести прах амурцы обратились к военному агенту во Франции полковнику Валериану Валериановичу Муравьеву-Амурскому, который ответил 2 мая 1900 г. так: «...по вопросу о перевезении на берега Амура тела дяди моего, графа Н. Н. Муравьева-Амурского, имею сообщить, что со стороны родных, из коих ближайший я, не только не будет препятствия к выполнению сего предположения, но полное и совершенное сочувствие и согласие». Что касается места нового погребения тела покойного покорителя Амурской и Уссурийской страны [...]. Думали перевезти во Владивосток, но начавшаяся вскоре первая мировая война, а затем и революция отодвинули выполнение намеченного на долгие годы. В советское время крест на Шилке и памятник в Хабаровске были отправлены на переплавку. Только недавно хабаровчане вновь отлили памятник графу и установили на прежнем месте. Не остались в долгу и владивостокцы: в 1991 г. прах Н. Н. Муравьева-Амурского был перенесен во Владивосток и похоронен в центре города на склоне горы, мимо которой он когда-то проходил на пароходе-корвете «Америка».

Имя Н. Н. Муравьева-Амурского носит полуостров во Владивостоке.

Первооткрыватели

Описывая город: Михаил Клыков

Уссурийский залив (почтовая карточка)

Клыков Михаил Аввакумович родился 30 августа 1834 г. в Санкт-Петербурге. По собственному желанию 2 апреля 1857 г. его перевели с Балтики в Николаевск-на-Амуре, где в течение следующих семи лет он занимался гидрографическими работами на нижнем Амуре. Будучи командиром лоцманской шхуны «Фарватер», с июня 1865 г. по август 1866 г. Клыков описывал залив Петра Великого. В это время он публиковал свои статьи в газете «Восточное Поморье». Почти девять лет – с декабря 1872 г. по август 1881 г. – Клыков служил во Владивостоке, руководил гидрографическими работами в Японском море. 13 декабря 1910 г. полковник корпуса флотских штурманов М. А. Клыков скончался в Санкт-Петербурге, похоронен на Смоленском православном кладбище. Именем Клыкова названо множество географических объектов.

Командуя портами: Александр Кроун

Кроун Александр Егорович родился 8 апреля 1823 г. в Санкт-Петербургской губернии. В 1841 г. он окончил Морской кадетский корпус и на корвете «Оливуца» в 1853 г. перешел на Тихий океан. Кроун был командиром канонерской лодки «Морж», командиром Сибирской флотилии, первым главным командиром портов Восточного океана и военным губернатором Приморской области (1870–1875). В 1884 г. он был назначен командующим отрядом судов Тихого океана и пробыл на этой должности до 1885 г. В 1888 г. Кроун был произведен в вице-адмиралы. Он умер 26 января 1900 г. в Санкт-Петербурге и похоронен там на Смоленском евангелическом кладбище. Именем Кроуна назван мыс в Японском море и мыс в б. Провидения (Берингово море).

Оставив имя на полуострове: Иван Черкавский

Черкавский Иван Францевич был капитаном и командиром 3-й роты 4-го линейного батальона. В 1860 г. его назначили первым командиром Новгородского и Владивостокского постов. 18 июня 1863 г. И. Ф. Черкавский скончался в Новгородском посту. Его именем назван полуостров во Владивостоке и островок в заливе Петра Великого.

...и на мысу: Павел Чуркин

Чуркин Павел Филиппович родился в 1828 г. и получил морское образование. Учился в 1-м Штурманском полуэкипаже и после этого, плывал на кораблях Балтийского флота, выполняя гидрографические и лоцманские работы в Финском и Рижском заливах. В 1854 г. он участвовал в обороне Ревеля от англо-французской эскадры. В 1859 г. на корвете «Гридень», где он был штурманом, Чуркин пришел во Владивосток. Во время стоянки корабля в бухте Золотой Рог зимой 1860–1861 гг. он проводил съемку берега и промеры бухт Диомид, Улисс и Патрокл, а также астрономически определил пост Владивосток. В 1862 г. на том же «Гридне» Чуркин возвратился в Кронштадт, был произведен в поручики Корпуса флотских штурманов и в течение двух лет плывал на Балтике штурманом корвета «Витязь». Именем Чуркина в 1863 г. назван мыс на полуострове Муравьева-Амурского.

Мыс Чуркина. Ныне – причалы Владивостокского рыбного порта (почтовая карточка)

Первый из начальников Южных гаваней – Николай Шкот. Шкот Николай Яковлевич родился в 1828 г. в Костромской губернии в семье отставного офицера. Он окончил Морской кадетский корпус и в 1848 г. был произведен в мичманы. Он служил на Черноморском флоте, участвовал в обороне Севастополя, в 1855 г. был произведен за отличие в лейтенанты. В 1856 г. его перевели в Сибирскую флотилию и назначили старшим офицером парохода-корвета «Америка». На нем в 1857 г. Шкот совершил переход из Николаевска в Тяньцзинь с дипломатической миссией Е. В. Путятина. По пути он стал участником открытия залива Владимира и описи залива Ольги. С 1858 г., командуя транспортом «Японец», Шкот плывал по русским портам

Японского и Охотского морей и по р. Амур. В апреле 1860 г. он участвовал в основании первого поста в заливе Петра Великого – в Новгородской гавани. Приказом г. командира портов Восточного океана в октябре 1864 г. Шкот был назначен главным начальником в Южных гаванях, но через два года по болезни был переведен на Балтику. Шкот умер в Санкт-Петербурге 1 сентября 1870 г., похоронен на Красненьком кладбище. Именем Шкота названы мыс в заливе Ольги, остров и полуостров в заливе Петра Великого, поселок и город в Приморском крае.

Первый гражданский житель Владивостока Яков Семенов

Золотая приморская осень уже вступила в свои права, когда с военного транспорта «Японец», пришедшего из Николаевска-на-Амуре в Ольгу и пришвартованного к транспорту «Байкал», на берег сошли пассажиры: пять семей ссыльных поселенцев и один человек, одетый явно побогаче их, – купец Яков Семенов. Пост Святой Ольги, основанный за два года до этого, был уже крепким военным поселком. Семьи, прибывшие на «Японце», должны были основать здесь новое село, которое так и назвали – Новинка. Купец Семенов – все пассажиры уважительно называли его Яковом Лазаревичем, заметив серьезность и основательность этого человека, – приехал в Ольгу не с пустыми руками. Среди товара, который он привез с собой из Николаевска, были синяя и белая бязь, сукно, мануфактура. Торговля шла отчасти на серебро, отчасти – в обмен на соболя. Для жилья Семенову выделили в Ольге местный лазарет, благо больных в молодом поселке не было.

Семеновский ковш

Купание мальчиков в Семеновском ковше

Ольга стала для Семенова базой торговых экспедиций. По тропам Уссурийской тайги, ведя за уздцы тяжело нагруженную товаром лошадь, корабейник обошел все восточное побережье. Немногочисленные местные жители встречали его радушно. Купец умел говорить по-китайски, и это позволяло ему находить общий язык с покупателями и успешно торговать. Бывало, Семенов привозил домой по три-четыре тысячи рублей серебром, но ему грезились другие размах. Плох тот купец, который не мечтает сделать товар из воздуха и продать его с выгодой. Так и Я. Л. Семенов, видевший вокруг себя огромное богатство – дары природы, не переставал думать о том, как использовать их. Особое внимание он обратил на морскую капусту, которой немало добывалось в окрестностях Ольги. Семенов проводил много времени на побережье, посещая места сезонного промысла ламинарии пришлыми китайцами. Купец неспеша выяснял рынки сбыта, цену и многие другие тонкости торговли. Тогда-то Семенов и сделал для себя главный вывод – надо перебираться на юг Приморья, поближе к торговым ярмаркам Китая и Кореи.

31 октября 1861 г. Я. Л. Семенов с женой и сынишкой появился в посту Владивосток. Начальник поста лейтенант Е. С. Бурачек выделил предпринимателю под лавку небольшую комнатку в офицерском флигеле. Но Семенова интересовала не столько торговля с солдатами и офицерами нового поста, сколько возможность попасть на знаменитую ярмарку в корейском городе Хунчун. Он упрашивал лейтенанта Бурачка сходить туда, но поддержки не нашел. Это нисколько не обескуражило Семенова, ведь рядом был еще и Китай, основной потребитель морской капусты, и для начала купец решил осесть во Владивостоке, который ему весьма понравился.

Всякое серьезное дело в те времена начиналось с покупки земли. 15 марта 1862 г. начальник поста Владивосток зарегистрировал самый первый акт ее покупки купцом Семеновым и выдал ему свидетельство. «Дано Николаевскому купцу 3-й гильдии Якову Семенову в том, что мною отведено ему для постройки дома и хозяйственных зданий, – земли в тридцати двух саженях от офицерского флигеля к Ю. З. по линии домов двадцать саженей и в ширину двадцать саженей, всего четыреста кв. саженей, и для покоса болотистое место на восточном берегу Амурского залива, в полутора верстах от поста, что свидетельствуется моею подписью и печатью». Это был первый документ о выделении земли в посту Владивосток частному лицу. Первый дом

семьи Семеновых до наших дней не сохранился, но около этого места на Светланской улице до сих пор стоит другой дом купца, построенный в конце 1902 г. (ул. Светланская, № 44).

В 1864 г. Яков Семенович решил рискнуть: он купил у промышленников партию морской капусты и повез ее в Шанхай на зафрахтованных парусных судах. Но первый опыт оказался неудачным. Семенов выяснил, что сбыт капусты идет в основном не на юг, а на север Китая. Пришлось купцу отправляться на английском трампе в Чифу и там, заплатив немалую сумму за страховку и пошлину, за бесценнок сбыть свой товар. Но Семенов не унывал. Он готов был и сам приплатить, лишь бы разузнать все нити торговли морской капустой. И ведь узнал! Тогда же возникла мысль открыть таможенную во Владивостоке. В том же году капитан 2-го ранга Н. Я. Шкот писал по этому поводу: «В южных гаванях, вверенных моему управлению, проживает с давнего времени независимо несколько племен китайцев, основавших там свои поселения до времени нашего теми гаванями владения. Эти китайцы между другими промыслами занимаются ловлею морской капусты, которую потом сбывают в Шанхай. Принимая во внимание, что подобный сбыт китайцами капусты, ловля которой производится в наших пределах, влечет ущерб казенного интереса, следует наложить на тех китайцев за право ловли капусты пошлину».

На следующий год Я. Л. Семенов зафрахтовал германскую «Тэлли» и загрузил ее в Посьете капустой, заготовленной его рабочими. Этот рейс покрыл все убытки за первый неудачный опыт и дал хорошую прибыль. Простая морская капуста, которую шторм выбрасывает на берег в огромных количествах, стала поистине «золотым дном» для владивостокского купца. В том же 1865 г. Семенов вместе с напарником оборудовал на берегу бухты Золотой Рог напротив Адмиралтейского сада небольшую верфь, на которой заложил шхуну «Эмилия». Ее строил швед Фрис с солдатами местной команды и китайцами. На этом паруснике купец посещал места добычи капусты, оборудованные им на приморском берегу, а порой – дополнительный доход никогда не бывает лишним – сдавал его во фрахт портовому начальнику для доставки в Ольгу почты и небольших грузов. На своей шхуне, простой в управлении, Семенов сам был шкипером, взяв несколько практических уроков у местных моряков.

В Чифу Семенов познакомился с немецким купцом Густавом Кунстом, который торговал хлопком и шелком. Хотя дела у немца шли не блестяще, он во многом помог новому знакомому. Зато спустя некоторое время уже Семенов оказал поддержку Кунсту, когда тот решил обосноваться во Владивостоке.

Несмотря на большую конкуренцию со стороны китайских купцов, дела Семенова шли неплохо. На морской капусте, агар-агаре, а затем и на рыбе строилось его благосостояние. Спустя двадцать лет, обобщая свой опыт по добыче ценного морского продукта, Яков Лазаревич писал: «Что касается развития промысла и сбыта русской морской капусты в будущем, то с распространением ее в Китае и увеличением числа потребителей, на что есть некоторые данные, можно надеяться на постепенное увеличение...».

Мало-помалу Я. Л. Семенов оказался втянутым и в общественную жизнь поста Владивосток. К концу первого десятилетия поста жители сообщества подали представителю местной власти – заведующему гражданской частью капитан-лейтенанту А. А. Этолину – около 70 прошений об отводе в частное владение земли во Владивостоке. Но до проведения межевых работ дело все не доходило, в основном потому, что пост не имел настоящего хозяина: военные, отслужив свой срок, возвращались на родину, не вспоминая о тех, кто остался на берегу Золотого Рога.

Меж тем Приморское областное управление послало во Владивосток землемера Почечунина, который, приступая к производству межевых работ во Владивостоке, попросил, чтобы при этом участвовал и городской староста. Он был очень удивлен, когда обнаружил, что никакого старосты во Владивостоке нет. Вот тут-то и призадумались жители молодого поста о том, что настала пора вводить общественное самоуправление. В результате горячих споров и обсуждений родился следующий документ: «1870 год, марта 27-го дня. Жители г. Владивостока как

домовладельцы, так и имеющие земли, согласно заявлению г. начальника войск в г. Владивостоке, на основании параграфа 14 временных правил общественного управления во Владивостоке и п. Новгородском... избрали старосту и кандидата к старосте и постановили: всем обществом обязанности старосты возложить на купца Якова Лазаревича Семенова, а обязанности кандидата на Михаила Петрова Колесникова...» Бумагу подписали 30 человек, из них две женщины, десять иностранцев и православный китаец. Семь безграмотных мужиков поставили вместо подписи крестик.

Хлопотное и незнакомое дело не испугало Семенова. Мужичья хватка да коммерческая сметка позволяли ему находить выход из самых сложных конфликтов. Различные проблемы – от дел о мошенничестве и клевете до вопросов, каким быть будущему городу, – приходилось решать простому купцу, который даже не получал никакого вознаграждения за свою общественную деятельность. Многие вопросы староста предлагал рассматривать всем миром. Не редкостью в те годы были такие объявления: «1871 год, января 11 дня общественное управление во Владивостоке просит всех жителей города пожаловать завтра в 3 часа после полудни в гостиницу Арнольда для решения некоторых вопросов, касающихся города. Общественный староста Семенов». Владивосток быстро рос. В том же 1871 г. шхуна купца Филиппеуса привезла сюда из Аяна еще 250 русских поселенцев. Стали появляться первые улицы. 13 февраля 1871 г. вышло в свет распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири, которого с нетерпением ждали первые владивостокцы: 127 дворовых участков по уплате посаженных денег поступали в полное распоряжение горожан. В 1874 г. Семенов был избран старостой на новый срок. При этом городское управление в докладе начальству характеризовало его и кандидата при нем так: «...выборные в сии должности лица под судом, следствием и в штрафах не были и имеют от роду староста 39 лет, православного вероисповедования, у исповеди и св. причастия бывает ежегодно...» Через год Семенов сдал хлопотные обязанности по общественному самоуправлению первому городскому голове М. К. Федорову, а сам стал бессменным гласным в городской думе.

В 1878 г. Я. Л. Семенов начал вести промысел морской капусты на Сахалине. Почти через десять лет за образцы капусты и рыб, добываемых в этом районе, Яков Лазаревич получил диплом и серебряную медаль Главной экспертной комиссии Всероссийской рыбопромышленной выставки в Петербурге. Это не единственная награда купца: в 1896 г. на знаменитой Нижегородской ярмарке он завоюет Золотую медаль.

Яков Лазаревич Семенов прожил долгую и счастливую жизнь. Его коммерческим начинаниям сопутствовал успех, горожане неизменно избирали его гласным, он был душой многих дел в городе: будь то юбилейные даты, праздники, благотворительные мероприятия. 23 февраля 1913 г. «первого гражданского жителя» и почетного потомственного гражданина Владивостока Я. Л. Семенова не стало.

Голова Владивостока и купец Михаил Федоров

Ул. Арсеньева, Светланская ул., № 51.

Дом, где когда-то жил первый владивостокский голова Михаил Федоров, до сих пор стоит в одном из старых районов города. Память об этом человеке нынче осталась только в названии бухты Федоровской. Хотя владивостокский купец первой гильдии, первый городской голова, один из основателей Александровских мореходных классов и Общества изучения Амурского края Михаил Кузьмич Федоров был незауряднейшим человеком.

Он родился в 1840 г. в Херсонской губернии. Происхождения Федоров был невысокого и поэтому службу начал в 11-м рабочем Черноморском экипаже (с 16 февраля 1856 г.). Ровно через год молодого мастерового произвели в унтер-офицеры, и Федоров перешел работать судовым механиком в компанию Днепровско-Бугского пароходства, откуда романтика и длинный рубль сманили его на Дальний Восток. 11 июля 1866 г. его отправили служить в Амурский экипаж. На винтовой шхуне «Алеут» летом 1868-го он участвовал в боевых действиях, которые позднее получили название Манзовской войны.

Коммерческая пристань (почтовая карточка)

Побродив по дальневосточным морям, прапорщик Федоров решил осесть во Владивостоке, благо подвернулся удобный случай. В 1871 г. он стал механиком на пароходе «Суйфун». Это судно своими размерами скорее напоминало маленький катер, да и ходило оно всего-то до реки Суйфун (Раздольная), не дальше. Эти места полюбились М. К. Федорову, и он решил остаться в Приморье и завести свое собственное дело.

После списания на берег он был определен ассессором комиссии военного суда при Владивостокском порту. Эта должность нисколько не мешала Федорову заниматься торговлей. К тому времени он успел скопить кое-какие деньжата, которых хватило на то, чтобы купить два домика с землей и открыть небольшую лавку. Он был женат на Эмилии Васильевне

Ленни, дочери англичанина, жившего во Владивостоке. Их старшая дочь Елизавета родилась 25 декабря 1876 г., затем появилась на свет Анна (10 июня 1888 г.).

Михаил Федоров подхватил бразды правления у Якова Семенова и 15 февраля был избран владивостокским городским старостой. 10 декабря 1873 г. контр-адмирал Кроун утвердил его в этой должности. 30 ноября 1875 г. стал знаменательным днем в истории Владивостока: было разрешено открыть в молодом порту городскую думу. В первом отчете думы отмечалось: «Люди анализа и рефлекса получили род деятельности, которая приносит пользу тому городу, в котором находится их материальное достояние». Отставной подпоручик корпуса механиков М. К. Федоров был избран первым городским головой, кандидатом – провизор А. К. Вальден. Первыми гласными (депутатами) Владивостокской городской думы стали: купец Я. Л. Семенов, титулярный советник В. Н. Павлов, крестьянин В. Я. Кирпичников, подпоручик П. П. Должинский, действительный статский советник Б. Б. Пфейфер, мещанин А. М. Федотов, купец К. А. Школьников, капитан 1-го ранга А. К. Шефнер, поручик Ф. А. Тюлев, коллежский советник Э. П. Стеффенс, капитан-лейтенант В. М. Лавров, мещанин И. Данилов, коллежский секретарь Ф. С. Закрежевский, мещанин С. Г. Мосунов, купец Ив. И. Галецкий, купец О. А. Рейн, коллежский асессор И. О. Куркутов, надворный советник Г. К. Гусев, титулярный советник Н. И. Почекунин, крестьянин О. С. Степанов, коллежский асессор В. Е. Зимницкий, капитан М. А. Клыков, купец Е. П. Зайков, надворный советник С. А. Сидоров, коллежский советник И. М. Брусенцев, мещанин Н. Ф. Коренев, прапорщик В. С. Быковский и коллежский советник П. Е. Хомяков.

Вот какое «Клятвенное обещание» подписывали в те годы члены Владивостокского общественного собрания: «Я, нижеподписавшийся, обещаю и клянусь всемогущим Богом пред Святым Евангелием в том, что хочу и должен при подлежащем выборе в установленные должности городские, для отправления правосудия и других дел по чистой совести и чести, без пристрастия и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы [...]». В первый год работы городской думы ее голова Федоров заправлял всеми делами во Владивостоке. Много времени и сил он тратил на наведение порядка в городском хозяйстве, которое расширялось день ото дня. Были спланированы, проложены и капитально отремонтированы новые улицы Владивостока (Пологая, Фонтанная, Набережная, Тигровая, большая часть Светланской). Было построено и деревянное здание больницы, которая открылась 16 августа 1893 г. Затем временно М. К. Федоров передал правление городом действительному статскому советнику и военному юристу И. И. Маковскому, но 13 декабря 1887 г. он был вновь избран владивостокским головой, а затем 10 декабря 1891 г. и 14 мая 1896 г. его переизбирали на этот почетный пост.

Владивосток был одним из самых оживленных городов Тихого океана, но помимо преимуществ это создавало и проблемы. Здесь каждый год возникали эпидемии, которые привозили с собой выходцы из Китая, Кореи и Японии. В 1886 и 1890 гг. во Владивостоке свирепствовала холера, унесшая много жизней. Михаилу Кузьмичу приходилось тратить много сил на поддержание надлежащего санитарного состояния города. В те времена он был разделен на 24 участка, за которыми на общественных началах наблюдали специальные надзиратели.

Вот строчки из отчета Владивостокской думы за 1895 г.: «Первые сообщения о появлении за границей холеры получены здесь в конце марта месяца. После чего немедленно была созвана особая санитарно-исполнительная комиссия, под председательством городского головы и состоящая из членов: полицмейстера, городского и городского врачей, ветеринарного врача, аптекаря, членов управы с городским архитектором и представителей ведомств: духовного, морского (врач), военного и железнодорожного (врач). Задачей этой комиссии было указать меры к предупреждению появления эпидемии, а равно и меры к борьбе с нею в случае появления. Комиссия обратила первое внимание на количество дезинфекционных средств, на усиление надзора за проходящими судами, на устройство и снабжение всем необходимым

помещений для холерных больных и приведение в возможно наилучшее санитарное состояние дворов обывателей города, затем признала необходимым просить о командировании в распоряжение города 3 врачей. Все это и было исполнено городом, о командировании же 2 врачей сделано представление. 20 июля [1895] было получено уведомление, что в Чифу холера приняла эпидемический характер, а 28 июля оказался в городе первый случай заболевания от холеры. С появления эпидемии, согласно мнения той же комиссии были сформированы санитарные отряды с фельдшерами, которые состояли при полицейских участках для поднятия заболевающих и умерших; устроено на берегу три барака (шалаша) у Саперной казармы, Штабной пристани и вблизи дома Конторы госпиталя, в каждом бараке был фельдшер и по 2 человека прислуги и необходимые вещи, как хозяйственные, так и специально относящиеся к поданию первой помощи больному. Кроме сего в распоряжение города были командированы на время эпидемии три врача. Кроме мер, принятых городом, был еще устроен особый карантин с холерными бараками в бухте Диамид, который состоял в исключительном ведении администрации».

Городской голова Федоров бесстрашно нес свои обязанности во время эпидемии: он заходил в холерные бараки, проверял санитарное состояние самых значных мест города, заглядывал в трюмы судов, приходивших в порт Владивосток. Благодаря его усилиям, а также работе добровольных помощников, эпидемия закончилась 17 сентября 1895 г.

На своем жизненном опыте Федоров убедился, как важно вовремя получить соответствующие знания. Поэтому он обращал большое внимание на народное образование. 24 августа 1886 г. во Владивостоке было открыто городское училище, преобразованное в 1889–1890 гг. в трехклассное учебное заведение, с 1892 г. там было введено преподавание токарного и столярного мастерства. Долгое время почетными смотрителями училища были купец первой гильдии О. В. Линдгольм и помощник Федорова, член управы А. К. Вальден. Во время праздников он устраивал показ «туманных картин» и за свой счет выставлял угощение.

Понимая, что небольшое здание училища не может вместить всех желающих получить образование, М. К. Федоров предложил построить для него и мореходных классов соответствующее здание. Дело приняло бы затяжной характер, но тут подоспело предложение купца И. М. Лангелитье купить у него новый дом, который был в те годы достопримечательностью центра Владивостока. Ныне здесь располагается владивостокская телефонная станция.

Этот дом приглядела для себя городская управа, купив за 120 тысяч рублей. Отцам города понравились два каменных пакгауза, которые примыкали к зданию. Городские архитекторы и инженеры Гвоздиевский и Коновалов переоборудовали помещения под классы городского училища. Вскоре сюда переехали детишки из дома Соллогуба, который арендовала для них городская управа. Кстати, в бывшем доме Лангелитье располагалась и городская библиотека имени Гоголя, ныне Приморская краевая библиотека имени Горького. Можно сказать без преувеличения, что только благодаря деятельности бывшего офицера и его единомышленников Владивосток быстро вошел в десятку лучших городов всего тихоокеанского побережья.

Энергия М. К. Федорова была ключом. Его деловая сметка и предприимчивость очень помогли развивающемуся краю. Основой коммерции Федорова стала река Суйфун – Раздольная. В 1875 г. Михаил Кузьмич построил в устье реки небольшую лесопильню и заимку, в окрестностях которой стал разрабатывать угольные копи. Купив колесный пароходик «Пионер», он совершал регулярные пассажирские рейсы по реке Суйфун, доходя до с. Никольска (Уссурийск). Вскоре Федоров приобрел четыре баржи общей грузоподъемностью 5500 пудов и тем самым расширил свое «суйфунское» дело.

Современный читатель может пренебрежительно махнуть рукой и сказать: «Разве это бизнес?» Но тогда сообщение по этой речной артерии помогло переселенцам в кратчайшие сроки заселить и освоить большую территорию Приморья, а в дальнейшем способствовало строительству отрезка Южно-Уссурийской железной дороги. Занимался М. К. Федоров и мест-

ными перевозками по бухте Золотой Рог, арендовав у фирмы «Бринер, Кузнецов и Ко» паровой катер «Дружок».

Интересы торгового мореплавания привели Федорова к мысли открыть во Владивостоке Александровские мореходные классы. 10 октября 1891 г. он стал председателем общественного комитета по организации нового учебного заведения. Михаил Кузьмич был и в числе основателей Общества изучения Амурского края. Когда у только что образованного Общества возникла необходимость где-то разместить музейные коллекции, Федоров предложил для этого свой собственный дом. Стал он и членом строительной комиссии, когда Общество приступило к строительству здания музея. Он не просто помогал советом, но и выделил необходимые пиломатериалы.

19 октября 1906 г. бывший городской голова Михаил Кузьмич Федоров скончался. При его жизни небольшая улочка, где стоял дом городского головы, называлась Федоровской, но в советское время, когда старые названия были не в чести, ее переименовали в Производственную, так как на ней находился завод «Металлист». Уже после войны улица стала носить имя Арсеньева: последние годы своей жизни известный путешественник провел недалеко от дома бывшего городского головы.

Первые улицы Владивостока

Многое из прошлого Владивостока сохранилось почти в первозданном виде до сего дня, и прежде всего это кривые владивостокские улицы, то круто взбирающиеся на самые вершины окрестных сопок, то огибающие их по склонам. Немало сапог и туфель сбили горожане на этих дорогах. На их состояние, особенно в непогоду, жаловались и местные извозчики. Владельцы немногочисленных лошадных «такси» нередко отказывались под предлогом плохого освещения ехать ночью в отдаленные районы. Их жалобы, как и сетования остальных владивостокцев, можно прочесть в архивных подшивках газеты «Владивосток». Но городские власти ничего с дорогами поделать не могли: первый же дождь, потоками стекающий с гор, начисто смывал все попытки благоустроить улочки. Справедливости ради надо отметить, что и сами горожане не отличались чистоплотностью и нередко выбрасывали мусор чуть ли не под окна своих домов.

В то время Владивосток состоял из слободок, прототипов нынешних городских районов. Улица Светланская была проложена только до Клубного оврага, где располагалось Морское собрание (ныне Матросский клуб). Трудно поверить, но этот овраг был настолько глубок, что в слякоть его можно было преодолеть только пешком или верхом на лошади. К счастью, Клубный овраг недолго портил настроение горожанам: как только на заводе Владивостокского военного порта (ныне Дальзавод) начали строить сухой док, оттуда ежедневно привозили на подводах вынутый грунт и мало-помалу овраг засыпали.

Мальцевский овраг (почтовая карточка)

По направлению к Гнилому Углу находилось еще несколько улиц, разъединенных между собой другими оврагами. За Клубным оврагом начиналась улица 1-я Портовая, которая шла до Жариковского оврага (ныне остановка Дальзаводская), за ним лежала улица Афанасьевская – основная улица Офицерской слободы. Это район получил такое название примерно в 1872 г., когда во Владивосток из Николаевска-на-Амуре переведена Сибирская флотилия. Офицеры сразу же облюбовали это место и занялись постройкой своих домов.

Улица Афанасьевская заканчивалась на обрыве Мальцевского оврага. В 1907 г. она стала частью Светланской. Следующей шла Экипажная улица – центр Экипажной слободы. Здесь находились казармы, столовые, хлебопекарня и прочие постройки Сибирского флотского экипажа. Эта слобода тянулась до широкого оврага Гайдамак, получившего имя от клипера «Гайдамак», экипаж которого, вероятно, принимал участие в благоустройстве участка.

Афанасьев (Афонасьев) Дмитрий Матвеевич родился 28 января 1828 г. в Херсонской губернии. Морской офицер. Мичман с 1849 г. В 1858 г. пришел в Николаевск-на-Амуре вахтенным начальником корвета «Боярин», затем плавал на пароходо-корвете «Америка». Временно исполнял должность начальника штаба Сибирской флотилии и портов Восточного океана (1859–1862), затем служил на Балтике. Капитан-лейтенант с 1858 г. 22 марта 1871 г. переведен в Сибирскую флотилию и назначен начальником штаба главного командира портов Восточного океана. Капитан 2-го ранга с 1873 г. 24 ноября 1875 г. переведен в Балтийский флот. Сотрудник газеты «Восточное Поморье». Умер после 1879 г.

За оврагом Гайдамак шла улица Поротовская, около которой в сопках то там, то здесь были выстроены неказистые домики Матросской слободки, бывшей Артиллерийской. К морю от нее тянулись постройки Морского госпиталя с госпитальной пристанью. Для того чтобы попасть из центра города в госпиталь – единственное медицинское учреждение того времени, – было проще проехать берегом Золотого Рога мимо портовых мастерских. В этом районе была только одна благоустроенная улица – Шефнеровская. Это название она получила по имени командира транспорта «Манджур» Алексея Карловича Шефнера, который долгое время служил во Владивостоке. Рядом с Поротовской улицей были построены дома для врачей и фельдшеров Морского госпиталя, отчего район и стал называться Докторской слободкой.

Только к 1895 г. через овраги Владивостока были проложены мосты, и город получил грунтовку до Луговой. Через несколько лет все улицы были соединены под одним названием – Светланская. Выполняя указы жителей, почти круглый год владивостокская управа занималась благоустройством города и производила капитальный ремонт улиц. Особое внимание обращалось на центральные – Светланскую, Китайскую и Алеутскую. Во многих местах срезались откосы и засыпались ямы. Владивостокцы частенько поругивали отцов города: для производства ремонтных работ улицы надолго закрывались и проехать гужевому транспорту по ним было невозможно.

К концу века стали во Владивостоке появляться и капитальные дома. Уже был выстроен дом военного губернатора (ул. Светланская, № 52) и закончилось строительство здания для командира владивостокского порта (Дом офицеров ТОФ). Рядом с ним еще виднелся неказистый домик первого жителя Владивостока Якова Семенова, но уже украшали Светланскую улицу здания Торгового дома Кунста и Альберса.

Они заселяли Куперовскую Падь

Остановка «Комсомольская»

Купер Александр Карлович – предприниматель, купец 1-й гильдии. Американец. Брат Генриха Купера. Владелец Гранд-иллюзиона. Принял российское гражданство 6 апреля 1896 г. Действительный член ОИАК с 25 января 1900 г. Благотворитель. Скончался в 1911 г. во Владивостоке. Именем Купера названы мыс и район Владивостока (Куперова Падь).

Куперовская падь (почтовая карточка)

Купер Александр Карлович – сын К. Г. Купера, предприниматель. Родился 21 июля 1874 г. во Владивостоке. Учился в Японии в английском колледже и в США. Занимался коммерческой деятельностью в Харбине и во Владивостоке. Участник Русско-японской войны. Жил в эмиграции в Японии (с 1921 г.) и в Харбине (с 1923 г.), где был домовладельцем. Умер после 1941 г.

Купер Генрих (Генри) Карлович – брат А. К. Генриха. Американец. Приняв российское гражданство, жил во Владивостоке с 1864 г. Владел земельными участками между улицами Американская (Светланская), Китайская (Океанский проспект) и Пекинская (Адмирала Фокина) и другими. Сдавал их в аренду. Имел несколько трактиров и гостиниц.

Купер Карл Генрихович – предприниматель. Гражданин США. Жена – китайка Мария. Владелец участков на м. Песчаном (с 11 июля 1874 г.) и на Угловом п-ове (Де-Фриза – с 8 июля 1874 г.).

Вокзальная площадь: страницы прошлого, или как пообедал С. Моэм

Железнодорожный вокзал Владивостока и площадь.

Визитной карточкой любого города является вокзальная площадь. Во Владивостоке она видела сановных особ и последнего императора Российской империи, всероссийского старосту Калинина и отца перестройки Горбачева, на ней появлялись ходоки из западных губерний России в поисках новых земель на далекой окраине, сюда из Кореи привезли прах матросов-варяжцев, в Гражданскую на ней раздавались выстрелы, и здесь же принимали Народно-освободительную армию Иеронима Уборевича. Тлен времени почти не коснулся Вокзальной площади: обветшалые здания вовремя сносились, на их месте строились новые, не нарушая архитектурной гармонии этого оживленного места. Удивительно, но довольно мирно здесь уживаются памятник Ильичу и восстановленный на коньке здания вокзала двуглавый орел.

Владивостокский вокзал (почтовая карточка)

На заре жизни Владивостока в начале улицы Алеутской, там, где сейчас трамвайное кольцо, находились казармы железнодорожного батальона. Рядом с ними стояло небольшое, но крепкое здание штаба Владивостокской крепости, возведенное в 1894 г. На его месте теперь стоит Владивостокский прижелезнодорожный почтамт. В то время, когда закладывался город, недалеко от этого места располагались портовые мастерские и небольшой сухой док. Отцы города решили было построить в 1897 г. на берегу бухты набережную, но не достроили: то ли из-за отсутствия денег в казне, то ли из-за более насущных потребностей. Вокзальная площадь была спроектирована уже во время строительства железной дороги, то есть в 1891 г. На площади часто можно было видеть фаэтоны или ломовиков, но в дождь она оказывалась непро-

ходимой. Немало барышень и их кавалеров попортили здесь свои наряды. Впрочем, мужчин выручали высокие сапоги и галоши.

Алеутскую улицу пытались несколько раз мостить, но безуспешно – потоки воды, несущиеся с сопки во время дождя, сводили на нет все усилия. Только после строительства вокзала и прокладки трамвайных путей положение изменилось. Площадь стали мостить небольшими гранитными кубиками, которые укладывались на цемент. Гранит доставляли из Японии, а позднее его стали ввозить из каменоломен Русского острова.

Сейчас Вокзальную площадь невозможно представить без трамваев. Были они здесь и в далеком прошлом, правда, совсем не такие, к каким привыкли мы. Трамвайный вагон начала века имел два мотора и мог одинаково успешно двигаться как вперед, так и назад. Вагоновожатый просто перебрасывал электрическую дугу и переводил стрелку в обратном направлении. Все трамваи были тогда одинарными, прицепных вагонов еще не было. Плата за проезд разделялась на два класса.

...19 мая 1891 г. стал днем рождения Транссиба. Эта дата связана с приездом во Владивосток цесаревича Николая. В тот день состоялась церемония закладки железнодорожного вокзала. На серебряной доске, которую положил цесаревич Николай в фундамент рядом с первым камнем, было написано: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. В лето от Рождества Христова 1891, месяца мая 19-го, в благополучное царствование его императорского величества государя самодержца всероссийского Александра III, в городе Владивостоке заложен сей первый камень строящегося конечного участка Сибирской железной дороги...»

О следующем важном событии в истории Вокзальной площади возвестили выстрелы, прозвучавшие в период Первой русской революции.

Немногие любители творчества знаменитого английского писателя Сомерсета Моэма знают, что в августе 1917 г. он провел один бездельный день во Владивостоке, пробираясь окольными путями из Лондона в Петроград. В то время будущий писатель под псевдонимом Somerville служил агентом английской разведки. 18 июля 1917 г. Моэм получил 21 тысячу долларов для субсидирования партии меньшевиков и покрытия его собственных расходов в поездке. Через десять дней на пароходе он отправился из Сан-Франциско в Йокогаму, а оттуда – во Владивосток. О своем пребывании во Владивостоке С. Моэм написал очень мало. Так, в романе «Эшенден», опубликованном впервые в 1928 г. и переведенном на русский язык в 1992 г., он писал: «Поезд отходил в полночь, и Эшенден (этот роман автобиографичен, и в образе Эшендена С. Моэм описал себя. – *Примеч. авт.*) пообедал с Бенедиктом в вокзальном ресторане, который, похоже, был единственным местом в этом невзрачном городе, где можно было прилично поесть. Там было полно народа; обслуживали же клиентов невыносимо медленно».

В автобиографии писателя-шпиона, которую он назвал «Космополитяне», было отмечено, что во владивостокском ресторане он заказал себе водку и закусил борщом. Обслуживание было самое отвратительное, и сосед Моэма, говоривший по-английски, сказал ему: «С приходом революции ждать в ресторане приходится бесконечно!»

После ужина С. Моэм отправился на перрон, где решил подождать посадки на поезд. «Целые семьи сидели на своих вещах, – писал он, – казалось, они расположились здесь лагерем уже давно. Люди метались взад и вперед или, собравшись небольшими кучками, о чем-то ожесточенно спорили. Женщины визжали пронзительными голосами. Неподалеку двое мужчин злобно бранились и наседали друг на друга. Вся картина производила впечатление какого-то вселенского хаоса. Свет на перроне был слабый и мертвенно-бледный, и белые лица всех этих людей напоминали лики ожидающих Страшного суда покойников – спокойных или разъяренных, обезумевших от горя или кающихся».

Попытка британских спецслужб субсидировать российских меньшевиков для продолжения войны закончилась, как известно, провалом. А блестящему писателю посещение, хоть и недолгое, России дало пищу для новых произведений.

Алеутская улица и памятник в Японии

У подножия горы Самбонсунги в окрестностях небольшого современного японского городка Сэтана на возвышенном месте стоит строгий и красивый каменный обелиск. На японском и русском языках на нем написано: «Памятник погибшим морякам потерпевшего бедствие русского военного корабля “Алеут”». С этого места открывается широкая панорама Японского моря, за которым осталась родина похороненных здесь людей.

...18 октября 1877 г. шхуна Сибирской флотилии «Алеут» под командованием капитан-лейтенанта Сергея Крашенинникова снялась из Императорской гавани на Владивосток. По пути судно прихватило сильный циклон, который отбросил «Алеут» к Хоккайдо, и 7 ноября шхуну выбросило на песчаный берег. Уже по темноте японцы отвели русских моряков в селенье Сетанай, лежащее в шести верстах от места крушения шхуны. Здесь морякам выделили большой дом, внутри которого на глиняном полу по японскому обычаю горел огонь. Моряков поджидал горячий зеленый чай и теплое саке, что тоже было, по общему мнению, весьма кстати.

Деревушка, куда волею судьбы попали «алеутцы», была бедной, люди в основном занимались рыболовством и добычей морской капусты. Жители Сетаная по-доброму относились к морякам, и это прежде всего проявлялось в помощи продовольствием. Когда моряки сказали, что одной курицы на всех маловато, селяне стали доставлять по две. А когда в деревушке иссяк запас курятины, то за ней стали посылать в соседнюю деревню. Для населения Сетаная было весьма чувствительным появление лишних шестидесяти ртов, да еще каких! Но никто не выражал недовольства, напротив, при встрече с моряками японцы поднимали ко лбу сложенные ладони и отвечивали церемонные поклоны.

В конце ноября к Сетаная подошел клипер «Абрек» и забрал на борт часть людей. Разыгравшаяся непогода заставила судно уйти, не выполнив полностью задачу, и только на следующий год сюда пришла шхуна «Ермак» под командованием 34-летнего лейтенанта Б. К. Деливрона. Но таким уж злополучным местом оказалось это японское побережье, что и на этот раз не обошлось без беды. При подходе к шхуне баркас «Ермака» перевернуло волной, и 13 человек погибли. Найти удалось только восемь трупов, их-то и похоронили здесь же на берегу.

Памятник русским морякам, погибшим на корабле «Алеут»

Прошло много десятилетий. Буддийский храм Тэймэдзи, около которого лежали русские моряки, окончательно обветшал, да и холмики, поросшие травой, сравнялись с землей. Настоятель храма Мацудзакэ Киемицу забеспокоился о могилах. Ответственный секретарь общества Япония – СССР в Хакодате решил было перенести останки моряков на иностранное кладбище в своем городе, но тут возразили местные жители, которые решили воздвигнуть в районе горы Самбонсунги около города Сэтана памятник. Как позднее один из них писал: «Погибшие догадываются, что близкие чтят их память, однако нетрудно представить, что их души теряют связь с родственниками, они забываются и уходят в небытие». Деньги собирали со всего Хоккайдо, в 1971 г. состоялся перенос праха русских людей, а еще через год, в сентябре, на братской могиле установили красивый памятник. В предисловии к буклету, который был издан в честь этого события, мэр г. Сэтана Сасаки Есихару написал: «Данный памятник, поставленный в память погибших членов экипажа “Алеут”, создан на средства, собранные местными жителями, готовыми во имя добрососедства прийти на помощь терпящим бедствие на море».

Интересно, что японцы запросили через советское посольство в Токио сведения о крушении шхуны «Алеут» и поинтересовались фамилиями погибших русских моряков, которые хотели нанести на монумент. Чиновник из Генштаба формально отнесся к этому запросу и после недолгого раздумья написал, что такие сведения не сохранились. На самом деле в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге хранится объемистое дело об этом событии, где детально описаны все факты давней трагедии. Известны сегодня и имена погибших у японского берега моряков.

Существует легенда, что нынешнюю улицу Алеутскую во Владивостоке проложили моряки со шхуны «Алеут», в связи с чем она и получила это имя. Теперь же мы знаем, что прах восьмерых из этих строителей лежит в соседней стране, и если кому-либо из современных

русских мореплавателей доведется побывать в Сэтана, пусть он наведается к горе Самбонсунги и возложит цветы к их братской могиле.

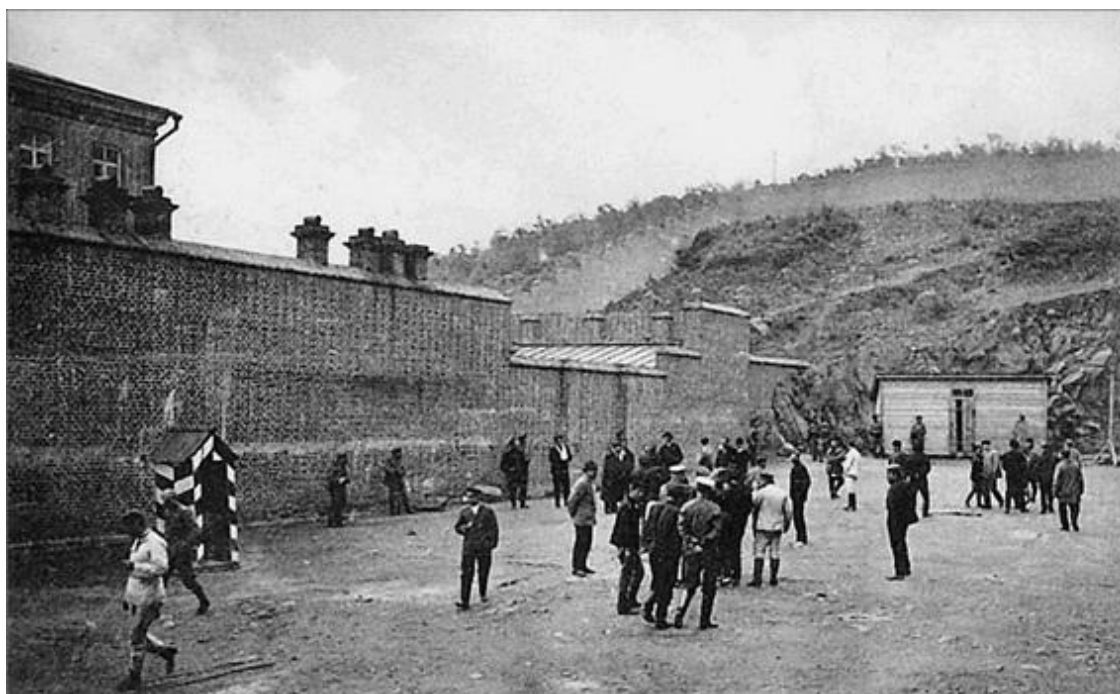
Первая речка, или Память о Нобеле

**Уткинская (Последняя) ул., Покровский парк и собор,
железнодорожное депо (Военное шоссе), нефтеналивной причал,
здание бывшего Первореченского народного дома, место
закладки Транссиба, Уткинская ул., № 9 (дом семьи Сибирцевых)**

Сегодня многие владивостокцы побаиваются заходить с наступлением темноты в некоторые городские микрорайоны. Было так и в прошлом. Мало какой околоточный, не говоря уж о простых горожанах, рисковал вечером появляться в районе Каторжанки. Название это говорит само за себя. Не в пример власть имущим, народ очень метко дает названия городским районам.

В прошлом веке чертой, за которой заканчивался город, была улица Последняя (ныне Уткинская). За ней размещались кладбища разных конфессий, о чем сегодня напоминает Покровский парк. Далее уже начиналась дикая тайга, любимое место владивостокских охотников и местных преступников.

Как иногда случается и сегодня, в прошлом были нередки случаи самозахвата земли. По мере развития города в районе Первой Речки среди сопок стали появляться непритязательные на вид домики, срубленные из местного леса. Их хозяевами были в основном бывшие ссыльно-каторжные, приехавшие с Сахалина, или же те рабочие, которые решили остаться во Владивостоке после окончания строительства Транссиба. Каторжных, видимо, было больше, потому что среди местных жителей этот район стал называться «Каторжанкой».

Здание полицейского управления (почтовая карточка)

Первым промышленным предприятием на Первой речке стала паровая мельница, построенная в 1879 г. Рядом с ней появились дома для ее рабочих. Еще через десять лет на берегу бухты Первая речка был построен пивоваренный завод Рика. Он находился в районе

озерка Чан (Юность). Забегая вперед, надо отметить, что в 1930 г. это предприятие было передано нефтебазе.

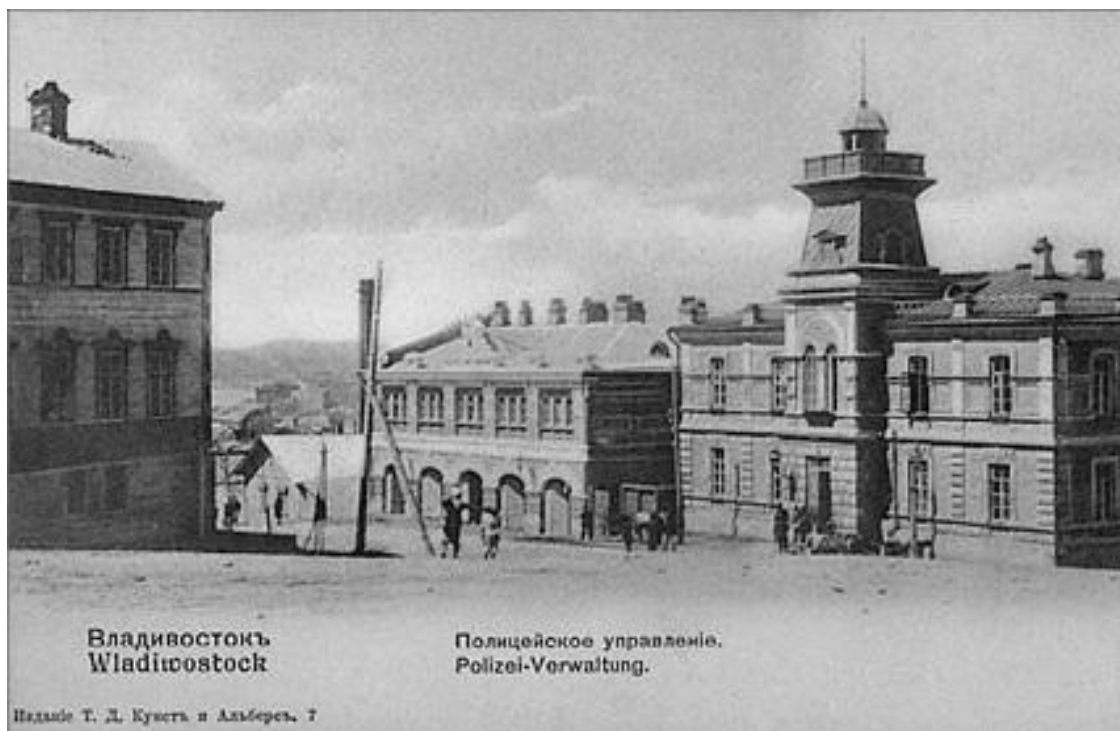
Всем известен мыс Кунгасный. Когда-то около него находилась лесопилка обрусевшего француза Монсе, в советское время переименованная в завод «Кунгас», так как там строили лодки-кунгасы для приморских рыбалок. Это судостроение началось еще в 1887 г. 7 октября спустили на воду деревянную парусную баржу «Семга», грузоподъемность которой оставила 12 тысяч пудов. Интересно, что это судно, как и предыдущее, было построено из приморского леса по заказу компании Бринера для плаваний по Амурскому заливу. Кстати, неподалеку от этого места, чуть ниже нынешнего корпуса филологического факультета ДВГУ, состоялась закладка Транссиба, участие в которой принимал будущий император Николай II.

В 1893 г. начали строиться железнодорожное депо и станция Первая Речка. В основном там трудились китайцы, известные мастера-камнетесы. Вследствие дешевой рабочей силы каменные дома в те времена стоили чуть дороже деревянных.

В начале века в новом городском районе появились отставные уральские казаки, которые занялись извозом. Вместе с осевшими каторжанами, которые к этому времени приобрели положение, они предложили городским властям переименовать район, включенный к тому времени в зону города. Дума с пониманием отнеслась к этому обращению. На своем заседании 12 ноября 1902 г. гласные постановили: «Г. Приамурский генерал-губернатор при рассмотрении дела по прошению жителей слободки на Первой Речке об укреплении за ними в собственность занятых ими земельных участков высказал, между прочим, желание изменить название слободки Каторжная ввиду неудобства сохранения такого наименования за частью г. Владивостока в обиду теперешним обитателям этой слободки. Ввиду изложенного управа полагала бы изменить нынешнее название слободки Каторжная и наименовать ее Новинка, на что и испрашивает разрешения городской думы. Постановлено наименовать слободку Первая Речка». Тогда же управление железной дороги проложило водовод от Первой Речки в город.

Первая Речка быстро стала промышленной зоной Владивостока. В начале века здесь работало три мыловаренных завода, выпускающих в месяц до пяти тысяч тонн мыла. Очень много было построено и складов. Отсюда купец Скидельский отправлял лес на экспорт. Из Европы по железной дороге сюда приходили товары для всех предпринимателей. В 1914 г. на Первой Речке появилась конфетно-макаронная фабрика братьев Ткач, ныне здесь размещается акционерное общество «Приморский кондитер».

Немало споров и шумных дискуссий ныне вызывает существование на Первой Речке Владивостокской нефтебазы, а начало ей положил купец первой гильдии Отто Линдгольм. В 1895 г. он построил здесь керосиноочистительный завод, а затем поставил большие металлические цистерны. Предприниматель устроил также подвесную дорогу к железнодорожной станции и проложил небольшую железнодорожную ветку. Предприятие было успешным, но старый О. В. Линдгольм был вынужден в 1902 г. продать его знаменитым братьям Нобелям.

Владивостокская тюрьма (почтовая карточка)

В старые времена на Первой Речке размещалось много воинских частей и складов. Здесь были казармы 1-го и 4-го артиллерийских полков и саперного батальона. По другой версии, здесь располагались палатки воинских частей, размещавшихся на весенне-летне-осенний период, – для отработки приемов боя и тренировок. Именно по этой причине один из мысов и получил название Лагерного.

Культурным центром нового района сначала был филиал библиотеки имени Гоголя, открытый здесь в 1916 г. Церковь же была построена за десять лет до этого. Первая начальная школа открылась в 1907 г., тогда же была организована и местная амбулатория. Большим событием в культурной жизни этой части города стало открытие Первореченского народного дома (Океанский проспект, № 88) 22 июля 1917 г.

Рик Адольф Петрович (Rieck, Adolph Peter) – предприниматель, пивовар. Немец. Родился 26 октября 1851 г. Жил во Владивостоке с 1881 г. Купец 2-й гильдии. Арендатор пивного завода у Я. Л. Семенова. Гражданин России с 5 сентября 1902 г.

Уткин Петр Васильевич – участник 1-й русской революции. С 1917 г. – член Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов и редактор его органа – газеты «Известия», также редактировал «Красное знамя». Уполномоченный Временного правительства Приморской земской управы по переговорам с японцами. 19 июня 1920 г. убит белыми в поезде на ст. Иман.

Рабочая слободка

Остатки Рабочей слободки во Владивостоке видны и сегодня. Хотя официально это местечко сейчас так не называется, многие горожане хорошо его знают именно под этим именем. Начало Рабочей слободке положило завершение Русско-японской войны, когда часть демобилизованных решила осесть во Владивостоке. Матросская слободка, где обычно селились в то время матросы, была к тому времени перенаселена, а потому вновь прибывшим пришлось обживать склоны сопки Буссе с другой стороны.

В 1906 г. городская управа решила узаконить новый район, и местный землеустроитель А. К. Поротов замежевал с севера на юг десять улиц, получивших название Рабочих, а улицы, протянувшиеся на восток, были названы Камчатской, Тобольской, Центральной, Селенгинской, Зейской, Аргуньской, Ботанической и Шилкинской. Образовались там и переулки: Горный, Крайний и Короткий. Всего архитектор нарезал 84 участка для застройки жилыми домами общей площадью 350 квадратных саженей. Благоустраивая район, городские власти проложили дорогу между Матросской и Рабочей слободками.

Отцы города не оставили без внимания социальную инфраструктуру нового городского района. Центром слободки стал Работный дом, построенный в 1908 г. Безработным там помогали подыскать работу и на первое время предоставляли бесплатное жилье. В трех корпусах Работного дома могло одновременно жить около 400 человек. Здесь также были небольшой детский сад и больница, а вскоре неподалеку в доме Леонова открылась и начальная школа.

Рабочая слободка (почтовая карточка)

У жителей Рабочей слободки было тем не менее много проблем. В дождь размывало плохонькие грунтовые дороги, а в сухую погоду мельчали колодцы, которых было недостаточно. Люди жаловались и на плохое освещение. По всей слободе насчитывалось всего восемь фонарей системы Люкс, которые висели только у Работного дома и школы. Более сотни домовладельцев подписали петицию губернатору, в которой просили увеличить количество фонарей, отремонтировать дороги и вырыть новые колодцы. 5 октября 1912 г. газета «Далекая окраина» писала: «Уже семь лет прошло, как основалась Рабочая слободка. В настоящее время в ней насчитывается 100 домов. Имеется школа, амбулатория, но до сих пор не устроено ни одной улицы, по которой можно было бы пройти или проехать без ущерба. Овраги, сопки, косогоры,

рытвины встречаются на каждой улице, и, кроме того, все они покрыты таким множеством больших и малых камней, что, в полном смысле, нет такого места, где можно было бы ступить, не попавши на камень. В ненастную погоду все улицы покрываются непроходимой грязью. О каких-либо тротуарах нет и помина». Власти на это отвечали, что фонари часто бьют или просто крадут, и обещали заняться благоустройством, но, как это бывает часто и сегодня, все оставалось по-прежнему.

Рабочие районы России всегда находились под пристальным вниманием социал-демократов, в этом отношении не была исключением и Рабочая слободка. Здесь всегда находили приют агитаторы и те, кто имел проблемы с властями. Во время Гражданской войны здесь существовало немало явочных квартир, и многие обитатели слободки симпатизировали большевикам.

Культурная жизнь Рабочей слободки не прекратилась и во время братоубийственной войны. Именно там нашел себе пристанище по приезде во Владивосток и «отец русского футуризма» Давид Бурлюк. Летом 1919 г. он с семьей жил в небольшой заброшенной парикмахерской. 23 июля 1920 г. он отметил 25-летие своей творческой деятельности. Пока поэт-художник не уехал в 1920 г. в Японию, он устраивал здесь свои персональные выставки. Естественно, его посетителями был не простой люд слободки, а друзья-поэты, которых судьба забросила на далекую окраину. Жаль, что сегодня уже не найти этого места.

Не так давно большой популярностью пользовались во Владивостоке фирменные рыбные магазины «Океан», а впервые это название появилось здесь в 1921 г., когда в Рабочей слободке был открыт винокуренный завод товарищества «Океан», изгородь которого выходила на Центральный проспект. Его проектная мощность была около 70 тысяч ведер спирта в год. После окончания Гражданской войны завод переоборудовали, и он стал выпускать рыбные и овощные консервы. В 1925 г. к этому предприятию присоединили бывший пивоваренный завод «Ливония». Первым директором его стала Екатерина Прозоровская.

В начале тридцатых годов район Рабочей слободки значительно расширился. Перемены коснулись и названия улиц. Ботаническая, например, стала улицей Всеволода Сибирцева, а Центральный проспект – проспектом Красного Знамени. В 1927 г. началась прокладка однопутной трамвайной линии от Первой Речки до 3-й Рабочей, района бывшего завода Ливония. На эту работу было привлечено много горожан, неоднократно устраивались и субботники по строительству мостов в Голубиной пади (их было два), а также по засыпке оврагов. В октябре 1928 г. строительство трамвайного пути было закончено.

Многэтажные дома, заполнившие этот район сегодня, скрыли, к сожалению, все достопримечательности Рабочей слободки, сохранив лишь названия некоторых старых улиц.

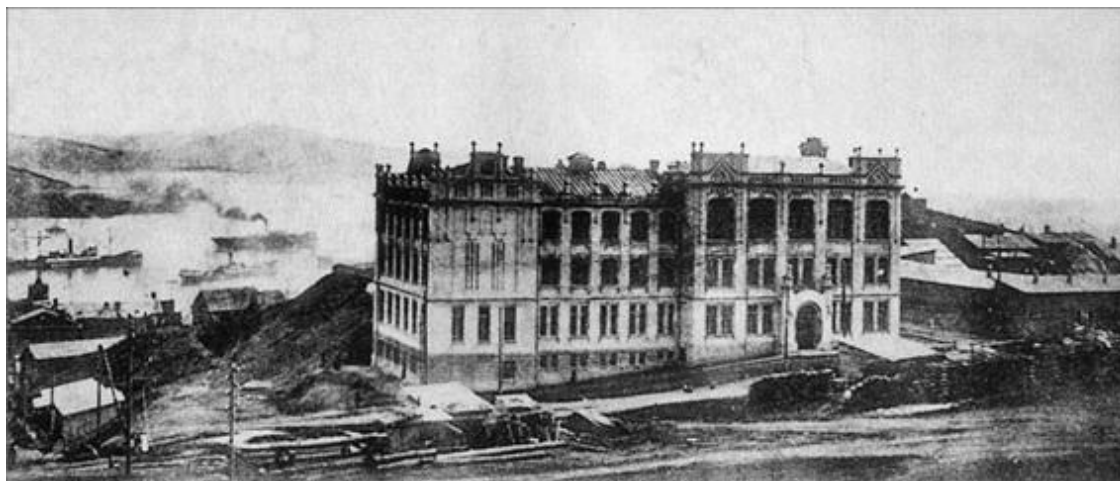
Бурлюк Давид Давидович – поэт-футурист. Родился 9 июля 1882 г. в Харьковской губернии. Был участником организации дальневосточной группы футуристов во Владивостоке. В августе 1920 г. уехал в Японию, а в сентябре 1922 г. – в США. Умер 15 января 1967 г. в Нью-Йорке.

Сибирцев Всеволод Михайлович – революционер. Родился в 1893 г. Учился в Петроградском политехническом институте. В 1917 г. окончил военно-инженерное училище, прапорщик. С марта 1917 г. был секретарем исполкома Владивостокского совета. Участник партизанского движения. С января 1920 г. – комиссар Владивостокского гарнизона, затем стал членом Военного совета Временного правительства Приморской областной земской управы. 5 апреля 1920 г. арестован. Убит белыми в 1920 г.

Улица Нагорная-Суханова

Главный корпус Дальневосточного государственного университета (ул. Суханова, № 6), бывшее здание Совнаркома и музей-квартира семьи Сухановых (ул. Суханова, № 9)

Порой архитектором владивостокских улиц становилась сама матушка-природа, заставлявшая их карабкаться вверх на вершины сопок или причудливо извиваться по склонам. Вот и улица Нагорная, ныне Суханова, получила свое первое имя от жителей, которым приходилось подниматься на сопку «Орлиное гнездо» со стороны Светланской. Нагорная брала начало от улицы Суйфунской (Уборевича) и тянулась до ул. Ключевой, на которой располагалась кирха. Несмотря на большую протяженность, на ней стояло чуть больше десятка домов. Улица Нагорная была одной из самых спокойных улиц Владивостока. Поэтому ее облюбовали для своих прогулок местные спортсмены-велосипедисты, боявшиеся, как черт лаdana, первых автомобилистов и лихачей-извозчиков. В 1903 г. на Нагорной устроили велосипедный трек, первый на Дальнем Востоке.

Коммерческое училище (почтовая карточка)

Оживление улицы началось в 1910 г. и было связано со строительством Коммерческого училища. Автором проекта этого красивого здания, в котором ныне размещается главный корпус Дальневосточного государственного университета, был архитектор С. А. Венсен. В годы Гражданской войны студенты потеснились, и в здании училища работало Народное собрание. Одно время располагались в нем и знаменитые каппелевцы, которые, впрочем, не мешали местным поэтам-футуристам устраивать там же свои вечера. Университет разместился в этом здании уже после окончания Гражданской войны.

Свое нынешнее название улица получила благодаря тому, что действительный статский советник Александр Васильевич Суханов купил в 1896 г. стоящий на ней небольшой дом. Здесь провел свои юные годы его сын Константин, который чуть меньше года был председателем Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1927 г., когда отмечалось первое десятилетие Октябрьской революции, было решено переименовать улицу в память погибшего большевика. В 1968 г. в небольшом уютном сквере был открыт и памятник К. А. Суханову.

Тридцатые годы оставили свой след на улице Суханова. В аудиториях университета, закрытого к тому времени, разместилось Приморское управление НКВД, а рядом были построены дома для офицеров этого ведомства, стяжавшего ужасную славу. В пятидесятые годы университет вернулся в здание бывшего Коммерческого училища, и очевидцы рассказывали, что стены его подвала хранили выцарапанные надписи, свидетельствовавшие о последней воле их авторов.

Хрущевские реформы оставили о себе память зданием Совнархоза, построенного архитектором Рабиновичем в 1955–1960 гг. Через пять лет рядом появилось здание факультета механизации ДВПИ, а еще через пять лет взметнулся девятиэтажный жилой дом.

Время «перестройки» напоминает о себе могилой графа Н. Н. Муравьева-Амурского, прах которого перевезли во Владивосток из Парижа. Претерпело изменение и отношение горожан к революционеру Константину Суханову. Теперь вспомнили, что его отец, вице-губернатор Приморской области А. В. Суханов, был государственным деятелем, и экспозиции музея К. Суханова, открытого еще 2 декабря 1977 г., посвятили всей семье Сухановых.

Суханов Александр Васильевич родился 15 августа 1863 г. Воспитанник Благовещенского духовного училища. В службу вступил 12 сентября 1878 г. канцелярским служителем II разряда Забайкальского областного правления. Был секретарем Николаевского-на-Амуре городского полицейского управления (с 7 июля 1882 г.). Неоднократно поощрялся за поимку преступников. После перевода в Приморье Суханов занимал различные должности в Приморском областном управлении: был правителем путевой канцелярии военного губернатора (с 9 мая 1884 г.), приставом Посьетского участка (с 9 апреля 1889 г.), окружным начальником Южно-Уссурийского округа (с 15 января 1890 г.) Цесаревич Николай высказал ему «благодарность за отличное состояние дорог и порядок в округе». При этом Суханов был награжден золотыми именными часами и получил в подарок портрет (24 мая 1891 г.) В последующие годы он был следователем по делу о краже 350 тысяч рублей из Владивостокского казначейства (1891–1892), исполнял дела заведующего переселенческим управлением Южно-Уссурийского края (14 октября 1895 – 27 июля 1896 гг.), старшим советником Приморского областного правления (с 29 июля 1895 г.), неоднократно исполнял обязанности губернатора Приморской области. В отставку А. В. Суханов ушел 31 октября 1910 г. в звании действительного статского советника. С 1896 г. состоял членом Общества изучения Амурского края. Избирался председателем общества сельских хозяев и был редактором журнала «Приморский хозяин» (с 11 февраля 1916 г.). Умер во Владивостоке в 1921 г.

Достопримечательности Пушкинской улицы

Улица Пушкинская – одна из самых приятных, сохранивших исторический колорит улиц Владивостока. Она тянется параллельно Светланской по склонам сопок. Трудно представить, но первые владивостокцы застали это место сплошь изрезанным глубокими оврагами. Один из них, ближайший к центру, носил имя поручика артиллерии Машкина, так его и называли – Машкин овраг. Около него в 1861 г. были построены знаменитые гридненские казармы. Здесь же была возведена и первая владивостокская церковь – Успенская. Около этой церквушки в 1872 г. во взятом в аренду шестикомнатном доме расположился переведенный из Николаевска-на-Амуре военно-морской госпиталь, и улица стала называться Госпитальной. Была она короткой – чуть больше длины самого госпиталя.

В 1887 г. во Владивостоке торжественно отмечалось пятидесятилетие со дня смерти А. С. Пушкина. В связи с этой датой было решено переименовать улицу Госпитальную в Пушкинскую, тем более что в это время госпиталь переместился в другое место, туда, где находится и поныне. Примерно тогда же Машкин овраг был переименован в Клубный, так как на берегу бухты Золотой Рог, куда выходил овраг, было построено здание Морского собрания.

Успенский собор (почтовая карточка)

Сразу же за оврагом начиналась улица 1-я Портовая, которая являлась продолжением Светланской. Параллельно ей, выше по склону, тянулась Вторая Портовая, которую продолжала улица Лазаревская. В 1907 г. Пушкинскую соединили со Второй Портовой, а через три года Владивостокская городская управа решила добавить к ним и Лазаревскую под общим названием – улица Пушкинская. Новая улица протянулась вплоть до Жариковского оврага, то есть до начала Офицерской слободки (ныне остановка «Дальзаводская»).

Рядом с памятником А. С. Пушкину, который уже снесли, находится оригинальное здание, в котором размещается художественное училище. Оно было построено за два года в 1947 г.

на фундаменте разрушенного православного собора. Архитектор А. И. Порецков, которому посвящена мемориальная доска на фасаде, спроектировал здание так, что оно напоминает снеженный храм. Первое время дом использовался под жилье, а в 1963 г. в нем разместилось училище.

Мост через бухту Золотой Рог (почтовая карточка)

Сейчас здесь воздвигают громадный мост через бухту Золотой Рог.

Дом Николая Соллогуба, где начиналась владивостокская журналистика

Пушкинская ул., № 7

Кирпичный двухэтажный жилой дом с трехэтажной башней, который находится в начале ул. Пушкинской, напоминает средневековый замок. Что ж, в те времена, когда он был заложен, во Владивостоке жилось неспокойно. Даже в центре города пошаливали хунхузы или промышляли грабители-убийцы, так что обитатели Владивостока имели все основания строить дома-крепости. Владелец дома-замка был основатель первой владивостокской газеты Николай Варламович Соллогуб. 14 ноября 1881 г. он был утвержден в должности редактора-издателя газеты «Владивосток».

37-летний редактор не был журналистом по профессии. Он окончил Саратовскую гимназию и курсы телеграфистов. Летом 1880 г. Николай Соллогуб приехал на Дальний Восток переводом с Московского центрального телеграфа в штаб главного командира портов Восточного океана. Именно в ту пору Соллогуб смог приступить к осуществлению самой большой своей мечты – стать не только профессиональным журналистом, но и редактором собственной газеты. Сделать это было совсем непросто, но помог крепкий характер, а также то, что идею Соллогуба поддержало местное начальство.

Дом первого редактора газеты «Владивосток» Н.В. Соллогуба

В 1882 г. Н. В. Соллогуб на пароходе Добровольного флота «Москва» отправился из Владивостока в Одессу, чтобы закупить необходимое типографское оборудование. Казалось, главные трудности были уже позади, но судьба распорядилась иначе: у берегов Африки «Москва» потерпела кораблекрушение. Благодаря выдержке и находчивости Соллогуба удалось спасти весь экипаж и пассажиров. Наградой ему за это стала Золотая медаль на Владимирской ленте «За спасение погибающих», которой он гордился всю свою жизнь. Тогда же, в Одессе, на балу

Николай Соллогуб познакомился с юной гимназисткой Соней Андрущенко, ставшей его спутницей жизни. У супругов родилось пятеро детей: Георгий, Вера, Ольга, Анатолий, Александра.

17 апреля 1883 г. шустрые мальчишки – разносчики газет наперебой предлагали прохожим первый номер газеты «Владивосток», а вскоре она стала неотъемлемой частью городской жизни.

Едва встав на ноги, Н. В. Соллогуб купил приличный участок земли на склоне Машкина оврага и занялся строительством собственного дома, который получился необыкновенно привлекательным и своеобразным. Эта стройка, которая продлилась более пяти лет, забрала не только все силы, но и средства. Когда настал срок платить по закладным, выяснилось, что первый редактор первой местной газеты неплатежеспособен. В конце июня 1892 г. владивостокский нотариус заверил контракт на продажу «Владивостока», и за 5500 рублей газета перешла в руки нового владельца.

Последний раз фамилия Соллогуба появилась в газете «Владивосток» 16 мая 1893 г. Это был некролог. «В 4 1/2 часа дня 13 мая скорпостижно скончался Николай Варламович Соллогуб, основатель газеты “Владивосток”». Без сомнения, одной из причин неожиданной смерти было затянувшееся строительство собственного дома, которое велось поэтапно, по мере поступления денег. Сначала это была пристройка, затем сам дом, потом – башня. После смерти главы семьи вдова стала сдавать помещение в аренду. Ну а потомки Соллогуба продолжают жить в этом доме и поныне.

Здесь жили дипломаты, врачи...

Пушкинская ул., № 19

Мимо нескольких домов, которые, словно ласточкины гнезда, висят над улицей, можно пройти к дому под № 19. Похожий на средневековый замок, этот дом был построен по проекту П. Базилевского в 1903 г., а владельцем был предприниматель В. К. Шумахер. С 1916 по 1954 г. с перерывами здесь размещалось Генеральное консульство Китая. Теперь в нем располагается Владивостокская коррекционная школа-интернат. В начале века напротив этого здания стоял костел евангелистов, но сейчас его нет и в помине.

Во многом облик Пушкинской определяют небольшие уютные особнячки. В основном их хозяевами были врачи, занимающиеся частной практикой. Одним из самых известных был владелец частной лечебницы врач Блуменфельд. Во время Гражданской войны здесь жили и самые дорогие владивостокские проститутки.

Базилевский Платон Евгеньевич – военный инженер-архитектор. Автор проекта железнодорожного вокзала во Владивостоке. В течение 11 лет был архитектором Хабаровска (с 8 июля 1888 г.). Состоял членом Приамурского отдела Русского Географического общества (с 1894 г.) и Общества изучения Амурского края (с 1895 г.). Гласный Хабаровской думы (1898–1902) В 1907 г. Базилевский был произведен в генерал-лейтенанты.

Блюменфельд Сергей Михайлович – врач. Родился 28 августа 1874 г. в Кишиневе. Окончил военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. Доктор медицины. Работал в военно-морском госпитале во Владивостоке. Там же открыл частную хирургическую больницу, которая считалась лучшей в регионе. Жил в Шанхае с 1927 г., считался лучшим европейским хирургом. Там и умер в августе 1947 г.

Восточный институт – Дальневосточный государственный технический университет (ДВГТУ)

Пушкинская ул., № 10

Это старинное кирпичное здание под номером 10, построенное по проекту архитектора А. А. Гвоздзиовского, своим фасадом выходит на Пушкинскую, а со стороны Светланской, там, где размещается двор, к нему пристроено еще три параллельных корпуса в 3–5 этажей.

В середине 1890-х гг. во Владивостоке было решено построить новое здание для мужской гимназии. Она работала в бывших Алеутских казармах, которые давно уже стали для нее тесны. Тогда-то один из владельцев Торгового дома «Кунст и Альберс» – А. В. Даттан – подарил городу участок земли под строительство гимназии, хотя многие не соглашались с этой идеей: уж очень далеко, по меркам тех далеких дней, было это место от центра Владивостока. Но так или иначе, а 15 сентября 1896 г. состоялась закладка здания, проект которого предоставил городской архитектор Гвоздзиовский. Строилось оно около трех лет. В это время во Владивостоке было решено открыть Восточный институт. Тогда-то и задумали расширить здание с тем, чтобы открыть в нем и институт, и гимназию. Все работы произвел за свой счет Даттан.

21 октября 1899 г. в торжественной обстановке состоялось освящение здания и открытие двух учебных заведений. В новом здании нашлось место для всего: учебных классов, общежития для студентов, столовой, библиотеки. Директором института стал известный монголовед Дмитрий Михайлович Позднеев, а директором гимназии – Николай Гаврилович Вознесенский.

Во время Русско-японской войны институт и гимназия были эвакуированы в Нерчинск и Верхнеудинск, а в помещениях был открыт госпиталь графини Шуваловой.

Здание Восточного института (почтовая карточка)

Китайские «ши-цза» в Санкт-Петербурге

Особую красоту и колорит зданию придают два каменных льва, выполненных в восточном стиле, которые как будто охраняют вход в здание. По одной версии, они были привезены во Владивосток в 1900 г. из Тяньцзиня после подавления Боксерского восстания, по другой – подарены китайским представителем при приамурском генерал-губернаторе. В Северной столице – Санкт-Петербурге находятся еще пара китайских львов – ши-цза, которые установлены на Петровской набережной. На постаменте этих львов высечена надпись: «Ши-цза из города Гирина в Маньчжурии перевезена в Санкт-Петербург в 1907 году. Дар генерала-от-инфантерии Н. И. Гродекова». У владивостокских львов никакой надписи нет. Да и сами скульптуры ши-цза из Владивостока и Санкт-Петербурга совершенно разные. Гиды из Санкт-Петербурга любовно называют своих ши-цза за округлость форм «лягушками» – такой вид львов в Китае является самым распространенным. Львы из Владивостока – угловатые, из них как бы выплескиваются мощь, реальная сила, гордость и достоинство и, конечно, угроза для врагов и нечистой силы. Санкт-петербургские львы изготовлены в 1906 г., о чем свидетельствуют надписи на китайском языке, высеченные на плинтах статуй. Возраст львов у Восточного института во Владивостоке отсчитывается с X века, а надписей никаких нет, не считая загадочного орнамента. Если встать спиной ко входу в университет, то слева гордо восседает он – властелин мира, с достоинством положив лапу на шар, символизирующий нашу планету, а справа не менее гордо застыла львица: под левой лапой у нее изогнулся малыш-львенок, а на спину заполз другой.

Пушкинский театр

Пушкинская ул., № 27

Здание, которое находится напротив Дальневосточного государственного технического университета, было построено в 1907–1908 гг. по проекту архитектора П. Вагнера. Отдельные детали фасада облицованы глазурованной плиткой. Особую прелесть ему придают остроконечные башенки крыши и окна-бойницы. В этом доме архитектор органично соединил готику и модерн. В прошлом это здание было известно как Собрание приказчиков или Пушкинский театр, который был открыт 9 декабря 1908 г. В этом доме собиралась не только торговая интеллигенция города – он был одним из центров культурной жизни Владивостока. На его сцене ставили спектакли самодеятельные артисты, нередко выступали и профессиональные труппы, приезжавшие с гастролями во Владивосток. 2 октября 1911 г. здесь состоялось открытие школы и детского сада «в память освобождения крестьян от крепостной зависимости». Школа размещалась на нижнем этаже, рядом с бильярдной, и состояла из двух комнат – классной и детского сада. Приказчики уделяли внимание и своей библиотеке, которая считалась одной из самых лучших во Владивостоке. Уже тогда студенты Восточного института были неперенными посетителями театра, а 10 января 1915 г. они выступили с большим благотворительным концертом, сбор от которого предназначался раненым.

Во время Гражданской войны в театре располагались французы. Поначалу приход советской власти в Приморье мало что изменил в предназначении Пушкинского театра. Оно просто перешло в ведение Союза совторгслужащих, то есть тех же приказчиков. Но время продолжало стучаться в двери Пушкинского театра. 11 апреля 1923 г. здесь открылась показательная школа по ликвидации неграмотности, а 6 октября 1923 г. стал работать клуб совработников им. Воровского. В 1927 г. в нем выступал Амундсен с рассказом о своих путешествиях.

Пушкинский театр

Совработники оказались не последними хозяевами этого здания: в 1932–1933 гг. оно приютило Дом Красной армии и флота, а в январе 1934 г. бывший Пушкинский театр передали на баланс Дальневосточному морскому пароходству под Клуб водников. Некоторым владивостокцам повезло, и они слушали здесь Владимира Высоцкого. Сегодня же на фасаде здания имеется вывеска с надписью «Пушкинский театр Дальневосточного государственного технического университета». Студенты и преподаватели университета сумели за сравнительно короткий срок отреставрировать здание и вернуть ему облик, близкий к первоначальному.

Украшая город, или На фуникулере на Орлиную сопку

Проходя по центру Владивостока, мы с интересом рассматриваем старые здания, любуемся украшающей их прекрасной лепниной. Но если у кого-то и возникнет желание узнать имена мастеров прошлого, то вряд ли он легко получит ответ. Время стерло многие подробности прежней жизни, и только старые газеты да архивные документы помогают пролить на них свет. Газета «Дальний Восток» в начале 1901 г. сообщала читателям, что скоро дома в городе будут украшаться деталями, сделанными на бетонно-лепном заводе А. С. Лусаковского.

Сейчас трудно сказать, каким было основное занятие этого предпринимателя, поставившего своей целью украсить город. Вначале он открыл скульптурную мастерскую, пригласив туда художников из европейской части России. Пока скульпторы и живописцы разрабатывали свои эскизы, один из домов на Пушкинской улице, напротив Восточного института, был переоборудован под небольшой заводик, и вскоре там закипело дело.

Владивостокские купцы сразу оценили предложение Лусаковского, тем более что он гарантировал качество отделки, особо упирая на специальную технологию, учитывающую местный сырой климат. При этом подчеркивалось, что по внешнему виду украшения из бетона не будут отличаться от мраморных. Первыми заказчиками стали ресторатор Шуин и купец Пьянков, которые украсили фронтоны своих домов затейливыми карнизами и лепниной, а внутри установили красивые статуи. Следом за ними и знаменитый Торговый дом Кунста и Альберса разместил свой заказ у Лусаковского. Работа понравилась, и эта фирма вскоре открыла в своем магазине выставку изделий завода. Прежде всего, внимание посетителей привлекали экспонаты, изготовленные по оригиналам, купленным за огромные деньги в Италии.

Фуникулер. Внизу – здание Восточного института (почтовая карточка)

Завод Лусаковского выпускал не только «архитектурные излишества», но и принимал заказы на установку памятников из мрамора и металла. Он же выпускал бетонные ступеньки и плитку.

Небольшой заводик оставил о себе память не только во Владивостоке, но также в Хабаровске и Никольск-Уссурийском. Разглядывая старые дома и открытки с видами Владивостока, добрым словом вспоминаешь людей, которыми в предпринимательской деятельности двигала не только жажда прибыли, но и желание сделать свой город красивым.

На месте снесенного завода Лусаковского в 1957 г. была построена бетонная лестница для подъема к Голубиной пади. Она насчитывала 286 ступенек с несколькими удобными площадками. Хотя лестница и сократила путь пешеходам, но преодолеть подъем было не так-то легко. Через два года было начато строительство фуникулера. Для этого пришлось снести часть здания Пушкинского театра, где располагались библиотека и столовая. Длина владивостокского фуникулера составила 250 метров, а высота подъема – 70 метров. Подъемные механизмы были изготовлены на заводе имени 15-летия ВЛКСМ в г. Сталино, а вагоны произвели в Ленинграде.

5 мая 1962 г. фуникулер был торжественно пущен, его первыми вагоновожатыми стали Любовь Сизинова и Галина Стрижак.

Лютеранская кирха

Пушкинская ул., № 14

Еще известный русский журналист Всеволод Крестовский, побывавший в 1880 г. во Владивостоке, отметил: «Что особенно кажется странным, именно для русского глаза, это отсутствие заметных церковных глав и колокольни, на которых наши взоры искони привыкли останавливаться еще издали в каждом русском городишке, в каждом селении. Здесь вы гораздо прежде заметите совершенно приличную лютеранскую кирху, сооруженную на видном месте благодаря усердной заботливости адмирала Эрдмана (бывшего губернатора Владивостока)...» История подтвердила замечание Крестовского: все основные православные храмы и соборы со временем были снесены, а лютеранская кирха и католический костел уцелели, правда, тоже заплатив по векселям беспамятья.

Вначале лютеранская кирха была деревянной, но потом прихожане ее снесли, и в 1907 г. по соседству с Восточным институтом на улице Ключевой началось строительство каменной кирхи. Ее проект составил известный владивостокский архитектор Юнгхендель, а наблюдение за строительством вел инженер Вебель. Строительство лютеранской кирхи было закончено в конце 1908 г., оно встало прихожанам в 75 тыс. руб.

Лютеранская кирха (почтовая карточка)

Памятник А.П. Румпетеру. Морское кладбище

Выдающимся деятелем лютеранской церкви во Владивостоке был Август Петрович Румпелер – священник. Он родился 18 ноября 1849 г. и происходил из крестьян Лифляндской губернии. Окончил богословский факультет Дерптского университета. С 29 декабря 1886 г. он был преподавателем немецкого языка во Владивостокской прогимназии. Пастор лютеранской кирхи во Владивостоке. С 1885 г. действительный член ОИАК. Летом 1886 г. занимался устройством сада на примыкающем к бухте участке земли, где была представлена флора Южного Приморья (около трети древесных видов). В посадке принимали участие Н. К. Эпов и Н. К. Пальчевский. Около посадок были поставлены металлические таблички с названиями. Умер 28 июня 1912 г. Похоронен в ограде лютеранской кирхи, в 1930-е гг. прах был перенесен на Морское кладбище.

В 1930-е гг. кирха была закрыта по причине отсутствия «коллектива верующих, взявших ее на содержание». За скупой строкой этого документа скрыт тот факт, что почти все лютеране были арестованы, часть их расстреляна или отправлена в лагеря. А причиной этой жестокости послужило то, что небольшая толика средств на содержание местного пастора и покупку книг приходила во Владивосток из Германии, поэтому все прихожане были записаны в «немецкие шпионы». Но, очевидно, кто-то из них уцелел, потому что позднее на Морское кладбище был перенесены из ограды лютеранской кирхи прах и мраморный памятник пастору Карлу Августу Румпелеру, благодаря которому и было построено красивое здание кирхи. В октябре 1936 г. здание бывшей лютеранской кирхи было передано военным морякам. Здесь был открыт кинотеатр, который получил имя Максима Горького. В репортаже по случаю его открытия отмечалось, что в помещении хорошая акустика, а в фойе прекрасный паркет. Всего здесь было 240 мест в зале и 25 на балконе. Здесь же разместился Клуб старшин Тихоокеанского флота.

В 1950 г. в помещении бывшей лютеранской кирхи-кинотеатра был открыт музей Военно-морского флота, который располагался там в течение сорока лет, мечтая если не о новом, более просторном помещении, так хотя бы о ремонте старой кирхи, которая из года в год все больше разрушалась.

Ныне здание возвращено лютеранской общине.

Книжная лавка братьев Синкевичей

Пушкинская ул., № 33 – 35

Нападение на купца первой гильдии В. И. Синкевича наделало во Владивостоке много шума. Как-то раз сентябрьским днем 1913 г., когда он возвращался в вагоне первого класса в город со своей дачи в Надеждинской, к нему подошел каторжного вида человек и попросил закурить. Потом вместо благодарности он плеснул в лицо купцу серной кислоты и в суматохе исчез, спрыгнув на ходу с поезда. Вначале все подумали, что с удачливым купцом свели счеты его конкуренты, но вскоре был арестован наемный убийца Максимов, имевший на счету десяток жертв. Спустя несколько дней сел в городскую каталажку и «заказчик» – частный поверенный Рачков. Причиной на шумевшего преступления оказалась банальная ревность. Владислав Иосифович Синкевич имел импозантную внешность, его статная фигура и манерное обхождение с дамами создали ему репутацию сердцееда. В результате недолгого судебного разбирательства преступники получили по заслугам, а Синкевич надел повязку на изуродованный глаз.

Не стоило бы упоминать об этом провинциальном адюльтере, если бы он не поставил под вопрос хорошее начинание Синкевича – первую частную библиотеку, которую он содержал на паях с братом. Они открыли ее в конце 1908 г. Прекрасный подбор не только классической литературы, но и книжных новинок о Дальнем Востоке быстро создал хорошую репутацию этому коммерческому предприятию. Небольшой залог в два рубля, вносимый читателями, не уберегал от потери многих ценных книг, но братьев это не пугало, и они покупали новую литературу взамен украденной.

Прекрасную коммерцию и хорошую репутацию имел и собственный магазин Торгового дома братьев Синкевичей на Светланской. Торговали всем: от новейших автомобилей до канцелярских принадлежностей. Имели братья и приличную недвижимость: дома на ул. Комаровской, № 23 и 24, на ул. Корейской, № 69. Владея складами в Корейской слободе, они брали подряды на строительство пакгаузов.

Приличный доход братьев Синкевичей позволил им стать признанными меценатами города. Купцы купили обстановку для Коммерческого училища, дали тысячу рублей на постройку инвалидного дома и средства на ремонт музея Общества изучения Амурского края. Они несли немалые общественные обязанности: Владислав Иосифович был старшиной и членом арбитражной комиссии биржевого комитета лесопромышленности края. Младший, Эдуард, который родился 14 октября 1879 г. в местечке Кайтес Томской губернии, неоднократно избирался председателем комитета Приморской окружной комиссии торгово-промышленной палаты и председателем правления Владивостокского купеческого общества взаимного кредита. Он возглавлял страховое общество «Саламандра», был членом комитета призрения бедных и гласным городской думы. Многие годы он являлся действительным членом Общества изучения Амурского края.

В смутное время Гражданской войны Торговый дом братьев Синкевичей прекрасно балансировал между большевиками, белыми и интервентами. Прикрываясь лозунгами о новой свободе, в своем доме на ул. Пушкинской, № 33, они поселили американского консула, чем обеспечили неприкосновенность своей собственности. Но предчувствие надвигающейся катастрофы заставило братьев продать за границу свое книжное собрание, насчитывающее к тому времени около 20 тысяч превосходно подобранных томов. К сожалению, у городской библиотеки им. Гоголя не нашлось валюты на эту ценную покупку.

Дочь Владислава Иосифовича Синкевича Ядвига, которая родилась 24 марта 1912 г. во Владивостоке, успела уехать в Шанхай. Как сложилась ее судьба, сказать трудно. Возможно,

она вышла замуж и уехала из Китая в Австралию, как сделали сотни русских эмигрантов, а может, отправилась в Европу или США – образование она получила прекрасное.

Более трагично сложилась жизнь Эдуарда Иосифовича Синкевича. Во время Гражданской войны он был товарищем председателя Временного народного собрания Дальнего Востока, и после 25 октября 1922 г. остался во Владивостоке. Воодушевленный возможностями НЭПа, Э. И. Синкевич деятельно занялся предпринимательством, был учредителем и заместителем председателя правления акционерного общества «Дальрыбопродукт». 30 октября 1930 г. он был арестован. На следующий год его приговорили к высшей мере, но затем заменили этот приговор на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Э. И. Синкевич умер 14 февраля 1936 г. в лагере в Коми АССР. В марте 1959 г. его реабилитировали.

Сейчас немногие владивостокские библиофилы могут похвастаться старинными книгами, на которых стоят экслибрисы частной библиотеки братьев Синкевичей. Эти раритеты являются не только свидетельством прошлого, но и фактами «клептомании» читателей первой частной библиотеки Владивостока.

Дом Николая Соловьева, тестя В. К. Арсеньева

Пушкинская ул., № 37

Как-то во Владивосток на очередной юбилей известного путешественника Арсеньева приехала из Кишинева его племянница Ольга Окулист. Когда она вместе с владивостокскими краеведами прошла по городу, то показала немало мест, связанных с жизнью Владимира Клавдиевича, о которых мы раньше и не подозревали. Одно из них – здание на Пушкинской, № 37, которое можно считать отчим домом Ольги Николаевны, поскольку в нем жила семья ее деда Николая Матвеевича Соловьева.

В 1895 г., погрузив семью на тарантас, 36-летний межевой инженер Соловьев отправился из Петербурга в далекий Владивосток. К тому времени у них с женой было три дочки. По многочисленным воспоминаниям современников, это был чрезвычайно доброжелательный, но в то же время очень принципиальный и требовательный человек. В том, что Владивостокская крепость стала вершиной военного фортификационного искусства того времени, безусловно, есть заслуга и Н. М. Соловьева, занявшего должность главного контролера крепости.

По его поручению геолог крепости, впоследствии известный ученый П. В. Виттенбург, летом 1912 г. провел тщательные геологические исследования полуострова Муравьева-Амурского для составления подробной карты. Спустя несколько лет по результатам исследований геолога был издан научный труд, который автор посвятил Николаю Матвеевичу. На карте Владивостока появились гора и мыс Соловьева, названия которым тоже дал Виттенбург.

Быстро окупился Н. М. Соловьев и в общественную жизнь Владивостока, вступив в члены Общества изучения Амурского края. Несмотря на хлопотную должность, он был одним из его активистов. Именно благодаря его усилиям появилась красивая двухэтажная пристройка к музею Общества. Но настоящий гражданский подвиг совершил Н. М. Соловьев в трудные для всей страны годы интервенции, когда над коллекциями музея нависла угроза их уничтожения. Соловьев в то время руководил Обществом изучения Амурского края. Используя свои связи, он сдал в аренду содержимое музея французской миссии и тем самым спас для потомков ценнейшие экспонаты.

Особой страницей дома семьи Соловьевых на Пушкинской было то, что в нем старшая дочь Маргарита впервые встретила с В. К. Арсеньевым, за которого впоследствии вышла замуж. Кстати, Николай Матвеевич помог издать и книгу зятя «Путешествие по Уссурийскому краю (Дерсу Узала)», продав свою небольшую недвижимость.

В 1927 г. Н. М. Соловьев уехал в Никольск-Уссурийский, где работал в управлении Дальриса. В 1932 г., прямо за письменным столом, Соловьев скончался.

Слава владивостокской уголовки

Пушкинская ул., № 41

В учебном корпусе машиностроительного факультета Дальневосточного государственного технического университета в ответ на вопрос, чем примечательно это здание, довелось услышать лишь то, что в нем до революции располагалось инженерное управление Владивостокской крепости. Правда, один из студентов, рассмеявшись, добавил, что во время Гражданской войны здесь жили местные проститутки.

Доживи до нашего времени Михаил Александрович Мерцалов, начальник уголовного розыска Приморья, размещавшегося в этом доме, только ухмыльнулся бы, услышав эти слова. Да, немало проституток, связанных с уголовными элементами Владивостока, он допрашивал в своем кабинете. Но главная его заслуга не в этом, а в том, что он разгромил бандитскую шайку «21», которая в то время терроризировала весь Владивосток. Мерцалов происходил из потомственных дворян Иркутской губернии. Образование он имел не ахти какое – Иркутское сельскохозяйственное училище, но в Сибири о нем шла слава как о самом перспективном и талантливом следователе. В Гражданскую войну бывший начальник Иркутской уголовной полиции оказался на Дальнем Востоке. В Благовещенске и Никольск-Уссурийском он с успехом возглавил борьбу с уголовниками. Только в учебниках истории пишется, что Гражданская война представляла собой обострившуюся борьбу идеологий. Между тем в жизни в то время процветали бандитизм и уголовщина.

Здание инженерного управления Владивостокской крепости

Когда Мерцалов переехал во Владивосток, весь город держала в страхе банда, сделавшая своим именем название карточной игры «21». Эту цифру-автограф они оставляли на месте своих разбоев и грабежей. С бандитами не могла справиться ни одна из властей, сменявших друг друга в Приморье. Используя развитую сеть информаторов, а также дружеские и деловые связи с городской милицией и сильными мира сего, бандиты были неуловимы. Мерцалов твердо решил положить банде конец, хотя мало кто из его новых сослуживцев мог поверить, что этот невысокий человек с простодушным лицом и усиками, похожими на клоунские, может добиться успеха в таком сложном деле. И все же благодаря Михаилу Александровичу банда была разбита. Эта уникальная операция могла бы лечь в основу захватывающего детектива.

Вместе с последними отрядами белых Мерцалов уехал из Владивостока в Шанхай, где продолжил борьбу с преступным миром.

В ночь с 15 на 16 сентября 1933 г. детектив французской полиции Мерцалов был убит двумя подосланными убийцами. Накануне он отметил свое пятидесятилетие. «Французская полиция, – писал журнал “Прожектор”, – потеряла честного, энергичного и хорошего работника, а Гавриило-Архангельская церковь – ревностного деятеля. М. А. Мерцалов принимал самое энергичное участие в сборе средств на постройку собора и сам жертвовал крупные суммы. Так, во время своего служебного отпуска он выпилил и пожертвовал в Архиерейскую церковь красивые паникадила». Когда хоронили бывшего начальника владивостокского уголовного розыска, на шанхайском кладбище были выстроены войска. С речью выступили и председатель шанхайского муниципалитета, и генеральный консул Франции Ж. Мерье, который отметил, что покойный всегда был «храбр и скромн».

Коричневая гимназия

Пушкинская ул., № 39

На Пушкинской улице под номером 39 находится кирпичное четырехэтажное здание, отделанное декоративной штукатуркой и с необычной аркой для въезда во внутренний дворик. С первого же дня это здание не меняло своего предназначения: каждый входящий в него, видя красивую парадную лестницу, понимал, что попал в храм знаний. Дом был построен в начале XX века по проекту архитектора И. В. Мешкова для Мариинской женской гимназии. Это старейшее учебное заведение Дальнего Востока, основанное первым военным губернатором Приморской области контр-адмиралом П. В. Казакевичем.

В 1872 г., когда прогимназия была переведена из Николаевска-на-Амуре во Владивосток, она первое время размещалась в деревянных домиках на Светланской улице. Первой начальницей была Т. С. Урядова. 2 июля 1903 г. состоялось освящение нового здания Мариинской гимназии. Начальницей ее в то время была Елена Григорьевна Гречановская, а председателем педагогического совета – известный востоковед Г. В. Подставин. Уже тогда гимназия имела тесные связи с Восточным институтом, многие преподаватели которого работали в гимназии. В ней училось около 130 девочек, которые носили коричневые форменные одежды, отчего горожане и называли гимназию «коричневой». Во время Русско-японской войны в ее здании размещался «Варшавский лазарет Красного Креста Елизаветинской общины».

Женская гимназия (ул. Пушкинская, 39)

В 1912 г. город торжественно отметил 50-летие гимназии, «старейшего рассадника женского образования в Приамурском крае». Во время Гражданской войны в этом здании располагались войска, хотя в части помещений и велись занятия. В 1923 г. в ее стенах была открыта школа-девятилетка, которой чуть позднее присвоили имя известной общественной деятельности и педагога М. В. Сибирцевой.

В 1929 г. в ней открыли десятый класс, а в 1931 г. школе присвоили номер – 9-й. Сегодня средняя школа № 9 с углубленным изучением китайского языка считается одной из самых престижных во Владивостоке.

Педагоги Владивостока

**Здание гимназии № 1 по ул. Уборевича,
№ 8, дом Сибирцевых по ул. Пологой, № 32**

Кравцова Анна Гавриловна родилась 2 декабря 1868 г. в семье гвардейского полковника Литвина. После окончания Санкт-Петербургского патриотического института она работала там четыре года в должности регентши. Вместе с мужем, морским офицером Теляковским, приехала во Владивосток, где он вскоре скончался. В женской гимназии Кравцова (по второму браку) работала в разных педагогических должностях: была преподавателем пения и русского языка, классной надзирательницей и помощницей начальницы. В 1902 г. А. Г. Кравцову назначили начальницей гимназии, которая была преобразована в гимназию им. Цесаревича Алексея («зеленая»), ныне гимназия № 1. А. Г. Кравцова была известной общественной деятельницей Владивостока, неоднократно устраивала благотворительные концерты в помощь неимущих учениц. Этим ей пришлось заниматься и в эмиграции. Вначале она жила в Харбине, затем, в 1926 г., переехала в Шанхай. В этом городе она работала директором коммерческого училища Русского православного братства. Всем любящим сердцем она помогала своим ученицам сохранить память о России, о Владивостоке, откуда большинство было родом. Многие отмечали ее бескорыстность и талант. А. Г. Кравцова скончалась в Шанхае 9 декабря 1931 г. В этот день в училище не было занятий: все отправились проводить в последний путь любимого педагога.

Семенова Елизавета Николаевна – вдова штабс-капитана корпуса флотских штурманов, начальница Владивостокской женской («коричневой») гимназии. В 1903 г. Попечительный совет этой гимназии обратился в думу с просьбой назначить от города пенсию Семеновой, «прослужившей 22 года». Интересно, что закрытой баллотировкой гласные отказали педагогу в этой пенсии.

Первое женское училище (почтовая карточка)

Сибирцева Мария Владимировна родилась 3 августа 1867 г. в Астраханской губернии. Окончила Бестужевские высшие женские курсы. В 1885 г. вышла замуж за М. Я. Сибирцева. Мать будущих революционеров Всеволода и Игоря Сибирцевых. В 1897 г. Сибирцевы приехали во Владивосток, где Михаил Яковлевич работал податным инспектором, а с 1910 г. – педагогом. В 1913 г. М. В. Сибирцева вместе с мужем основала мужскую прогимназию по ул. Суйфунская, № 7, где учились неимущие дети, и преподавала в ней естествознание. С 1912 г. была редактором журнала «Детский труд», органа Общества детских развлечения в г. Владивостоке, в котором печатались стихотворения, повести, рассказы, сказки, шарады, загадки, шутки, карикатуры, рисунки. В 1916 г. школа Сибирцевых была преобразована в гимназию. В последнее время М. В. Сибирцева работала в женском отделе Приморского губкома РКП (б). Умерла во Владивостоке в 1923 г.

Урядова Татьяна Степановна – первая начальница Владивостокского женского училища. Н. П. Матвеев отмечал: «В том же году [1873] было переведено во Владивосток содержимое на суммы морского министерства женское училище, для помещения которого был приобретен дом. Основано оно было в 1862 году по ходатайству Казакевича и в 1872 году преобразовано в прогимназию. С самого начала начальницей его явилась Т. С. Урядова». Первое время женское училище размещалось на углу улиц Прудовой (Петра Великого) и Светланской. Позже на этом месте построили морской штаб (ул. Светланская, № 22).

Народный дом и книголюб Игнатий Маковский

Ул. Володарского, № 19

На пост городского головы Владивостока избирались предприниматели и юристы, отставные военные и журналисты. Многие из них оставили о себе память как незаурядные личности, и особое место среди них занимает купец первой гильдии Игнатий Иосифович Маковский. Он родился в 1840 г., в 19 лет закончил аудиторское (юридическое) училище Военного ведомства. После годовой практики его отправили служить на Дальний Восток в штаб Сибирской флотилии. Там он был прокурором полевого суда, пока не получил назначения в комиссариатскую часть Управления портом Восточного океана. Военный юрист Маковский не ограничивал свои интересы только служебными обязанностями: в августе 1884 г. он побывал на первом съезде губернаторов в Хабаровске, где власти и предприниматели обсуждали перспективы развития края.

7 января 1885 г., после многодневной избирательной баталии, И. И. Маковский стал городским головой Владивостока, из-за чего подал прошение об отставке. В приказе главного командира портов Восточного океана от 26 февраля 1886 г. говорилось: «Расставаясь с действительным статским советником Маковским, ввиду состоявшейся реформы по управлению морским ведомством, я проникнут сердечной потребностью выразить ему мою глубочайшую признательность за долговременное отличное управление вверенной ему частью и за постоянно проявленную энергию, знание дела и заботливость к сбережению интереса казны вопреки неблагоприятным условиям, а равно и за ту искреннюю отзывчивость, которую он проявляет во всех служебных поручениях, даже вне сферы его прямых обязанностей, не страшась затруднений и труда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.